

Книга первая трилогии "Летописец"

ИГРА
НА
ЭШАФОТЕ

16+

Юлия Ефимова

Летописец

Юлия Ефимова

**Летописец. Книга
1. Игра на эшафоте**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ефимова Ю.

Летописец. Книга 1. Игра на эшафоте / Ю. Ефимова — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Летописец)

"Борьба за власть — это игра, только играют в неё не на подмостках, а на эшафоте".***Король Айварих мечтает о наследнике, принц Дайрус хочет вернуть трон отца, сирота Мая ищет родных в незнакомой стране, бастард Рик намерен узнать имя матери. Каждое из этих желаний просто и понятно, но вместе они способны не только ввергнуть страну в кровавую распря гражданской и религиозной войны, но и пробудить магию языческого прошлого, дремавшую сотни лет.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Эшафот для убийц	7
Глава 2. Земля предков	16
Глава 3. Первая битва будущего короля	24
Глава 4. Истинная Летопись	31
Глава 5. Встреча с королём	43
Глава 6. Семейные отношения	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пролог

Старик дописал фразу и со вздохом откинулся на спинку кресла. Строчки ровными рядами заполняли страницу желтоватой бумаги, однако летописец видел намного больше, чем записал в рукопись. Он видел не мятеж, почти подавленный королём Айварихом, не высадку армии Дайруса Кройдома, которая вот-вот начнёт сражение за трон, – старик предчувствовал смерть и перемены.

Лес за окном привычно шелестел мокрой листвой, но что-то насторожило одинокого старика, жившего в избушке на краю света. Тревога нарастала, пока он не понял, в чём дело: ветви деревьев склонялись к югу. Значит, ветер северный. На его памяти он не дул ни разу. Старые предания пришли на ум – он выбросил их из головы.

Прикрыв уставшие глаза, старик опустил руку с гусиным пером на ореховую столешницу. Уже пятьдесят лет он переписывал события, отражённые в Истинной Летописи. За это время его волосы поседели и наполовину выпали, лицо покрылось морщинами, кожа высохла, хотя глаза по-прежнему видели отлично, а твёрдые пальцы так свыклись с работой, что он без труда писал по много часов подряд. Порой ему казалось, будто он делает это машинально, самые драматичные события для него были всего лишь набором бессмысленных слов. На его веку короли и их жёны, претенденты и самозванцы сменяли друг друга так часто, что кипящие в стране страсти, льющаяся кровь и шатающиеся троны его давно не волновали. Ему было всё равно, сохранит ли Айварих корону в предстоящей схватке с принцем Дайрусом. Борьба за власть бесконечна, Летопись же надо вести, кто бы ни сидел на троне Сканналии. Прошли те времена, когда он переживал за исход событий, сочувствовал жертвам. Осталась лишь монотонная работа среди одинокого леса.

Снаружи послышался шум. Старик удивлённо прислушался: он не ждал гостей сегодня. Шум усилился, через мгновение дверь с грохотом распахнулась от удара. Проём заполнила фигура бородатого верзилы в светло-коричневой куртке, грязных штанах и тяжёлых сапогах со шпорами. Из-за его спины выглядывал второй мужчина в такой же одежде. Он был пониже, потоньше и без бороды.

Безбородый прошмыгнул к столу, где находилась обычная рукописная книга и Истинная Летопись – прямоугольный лист пергамента в тонкой кожаной обложке с золотой застёжкой. Рукопись ничего особенного собой не представляла, зато пергамент привлёк внимание незнакомца. Буквы на нём появлялись из ниоткуда, складываясь в слова.

Бородач вытащил меч из ножен и направился к старику. Тот растерянно встал с кресла, сделал шаг назад, упёршись в стол. Убийца ухмыльнулся, подошёл ближе и с силой вогнал меч старику в живот. Лезвие легко проникло внутрь, провернулось и вышло из раны, откуда тут же хлынула кровь. Упав на колени, раненый беспомощно смотрел на палача. Меч взлетел в воздух и опустился на шею жертвы. Верзила поднял отрубленную голову за волосы, вытащил из-за пояса холщовый мешок и сунул её туда. Оглянувшись на компаньона, он увидел, что тот по слогам пытается разобрать слова, которые появлялись в Истинной Летописи:

– «Флот Дайруса из 36 кораблей стоит на якоре у берега Северной гавани. На кораблях 4336 человек, из них...»

– Откуда эта штука знает, сколько их там? – Верзила деловито вытирал заляпанную кровью подошву башмака о халат мертвеца.

– Ты не слышал легенды про Истинную Летопись? – Второй убийца говорил почти шёпотом, словно боясь, что его услышат. – Говорят, она всё знает про всех, что в ней скрыта древняя и тёмная магия язычников...

– Чего же она этому старому козлу не донесла, что мы идём за его башкой?

– Ну не знаю, вроде имя летописца в Летопись никогда не попадает. – Безбородый подумал и улыбнулся: – А если попадает, то он подышает.

– Ага, ну вот и подох. Самая лёгкая работёнка в моей жизни, даже как-то стыдно брать деньги за этого доходягу.

– Да чего стыдиться? Сколько времени угробили! Нет уж, я своё честно заслужил и получу всё сполна, что мне причитается!

– Тогда хватит читать всякую чушь! Или забирай её с собой! – бородач протянул руку, намереваясь закрыть обложку Летописи. Едва он её коснулся, как заорал от боли. Рука на глазах покраснела, кожа на ней запузырилась. Воздух в комнате заискрился, стало трудно дышать. Верзила схватился за грудь.

– Пошли, говорю! – испуганно пробормотал его приятель. – Забыл, что нам велено? Хочешь вместо награды получить плаху?

Убийцы попятились к двери, выскакивая за порог. Комната погрузилась в тишину, только мухи жужжали над телом, да стук копыт затихал вдали. Текст начал бледнеть, новые слова всё медленнее появлялись на пергаментной странице: «Сегодня в полдень оборвана жизнь нашего верного слуги Нистора, сына Назера. Убийцы – Белес, сын Дориса, и Жак Собака из Усгарда – везут его голову на юг». Поверх надписи возникли ярко светящиеся руны и тут же испарились вместе с нею. Пергамент стал чистым.

Одновременно огонь так быстро охватил тело старика, что спалил несколько неуклюжих мух. Когда от тела осталась одна зола, огонь исчез, словно его не было. Обложка зашевелилась, верхняя крышка поднялась и аккуратно опустилась на пергамент. Застежка щёлкнула, снова наступила тишина.

Глава 1. Эшафот для убийц

Слухи о вчерашней высадке армии Дайруса переполняли Нортхед, хотя угроза не помешала горожанам собраться на Волхидской площади, расположенной недалеко от северо-западных городских ворот. Местные прозвали их «Врата Покоя», поскольку от них вела одна дорога – на кладбище.

На Волхидской площади без труда умещались толпа зевак, эшафот и двухъярусная трибуна, которую устанавливали, если приезжал король. Собственно, трибуной служил верхний ярус – внизу стояла королевская стража. Сотни лет назад на месте площади располагалось языческое святилище волхидов – жрецов древних скантов. Эктариане, верившие в единого Бога, выбросили идолов, разрушили алтари и возвели на этом месте храм, но он сгорел. Восстанавливать храм пытались не раз – на него обрушивались новые напасти: то рухнет купол, то вода затопит, то иконы враз потемнеют или стены трещинами пойдут. В конце концов плюнули и подыскали другое место, а тут начали проводить казни, кулачные бои и праздничные ярмарки; когда их не было, площадь заполняли торговцы мясом и рыбой из соседних торговых кварталов.

Двое приговорённых в грязных ободранных рубахах и штанах, шатаясь, с трудом взобрались на мокрый от дождя эшафот – утром плотники поспешно сколотили его, потеснив мясные ряды. Толпа завывала, то ли приветствуя убийц, то ли проклиная. Никто не знал, что они совершили, однако слухи по столице уже распространялись: говорили, что эти двое убили какого-то летописца. Их тут же поправляли, что не какого-то, а того самого, который переписывал Летопись древних скантов. «Нет, – тут же вмешивались другие, – летописец был чародеем и алхимиком, его убили монахи». «Ничего подобного, – возражали третьи, – виноваты потомки скантов, считавшие его предателем».

Мнений было много, слухов ещё больше, поэтому почти весь город собрался посмотреть на убийц, послушать приговор, поделиться мнением с окружающими и полюбоваться на четвертование, которое применялось довольно редко: за государственную измену и покушение на короля. Обычных убийц вешали или рубили им головы.

Сегодня казнили явно не обычных убийц, да ещё в присутствии Его Величества короля Сканналии Айвариха Первого, его жены королевы Катрейны и толпы знатных дворян. В народе царил возбуждение.

Рик остановил коня под окном двухэтажного деревянного дома, выходящего фасадом на площадь. Из его окон, как и из окон всех домов на площади, высывались зеваки, несмотря на накапывающий дождь. Людей на площади было много, но из седла Рик отлично видел убийц на эшафоте слева и высоких гостей на трибуне справа. Помимо короля Айвариха и королевы Катрейны присутствовал глава сканналийской церкви доминиарх Теодор Ривенхед и несколько членов Королевского Совета. Один из них – глава Совета барон Холлард Ривенхед, младший брат Теодора, – больше всего интересовал Рика. Ну, не столько он, сколько его дочь Илза, стоявшая рядом с отцом. Собранные в сетку каштановые волосы девушки укрывал капюшон чёрного плаща, её светло-серые глаза смотрели то на короля, то на отца. На толпу она внимания не обращала.

Рик не отрывал взгляда от девушки, пока глашатай зачитывал приговор – его Рик слушал краем уха, не всегда улавливая смысл витиеватых фраз:

– «Жак по прозвищу Собака и Белес, сын Дориса, родившиеся в Усгарде, получили преступный приказ от Дайруса, который называет себя сыном узурпатора Райгарда, восемнадцать лет назад захватившего трон своего брата Эйварда Пятого и вероломного убившего Байнара, сына и наследника короля Эйварда. В надежде, что убийство служившего нам верой и правдой Нистора поможет Дайрусу погрузить наше государство в беспорядки и навлечёт на нас разного

рода бедствия, указанный Дайрус вчера прибыл в Северную гавань, дабы оттуда отправить убийц к Нистору и получить помощь мятежника Диэниса Ривенхеда...»

Илза вздрогнула, опустив голову. Семнадцатилетний Диэнис был её троюродным кузеном, она очень переживала за него последние недели. Она считала, что его обманули: он не мог сам додуматься и выступить против короля. Рик даже видел, спрятавшись за статуей в одной из комнат королевского дворца, как она умоляла принца Крисфена пощадить Диэниса. По приказу отца именно Крисфен во главе двух тысяч человек отправлялся, чтобы захватить Малгард и разгромить отряды восставших. Крис, зажав Илзу в углу, обещал подумать, если она тоже кое-что ему пообещает. Пообещать она не успела, потому что Рик выбрался из убежища и объявил Крису, что его ждёт отец. Судя по злобному взгляду, которым Крис встретил Рика спустя час, отец сына совсем не ждал, но Рик было плевать – за Илзу он готов умереть. А вот чего он боялся, так это предстать перед ней в роли гонца с известием о смерти Диэниса. Поэтому сейчас он стоял напротив трибуны вместо того, чтобы тут же доложить о себе королю.

Два дня назад Рик с удовольствием предвкушал, как станет героем, готовился принять участие в первой в своей жизни битве. Он гордился тем, что ему позволили участвовать в таком важном деле, хотя военного опыта у него не имелось: отец не учил его воевать. Рик по-настоящему начал обучение несколько месяцев назад, когда ему исполнилось пятнадцать и его взяли в королевскую стражу. Вчерашний день принёс разочарование – Рик до сих пор не мог забыть того, что увидел. Он не спал всю ночь, пока мчался сюда, однако мёртвый Диэнис всё ещё стоял перед глазами. Крисфен прибил его руки гвоздями к каким-то воротам и вспорол живот. Отчаянный крик умирающего распугал даже собак – люди Крисфена довольно вопили, глядя на его мучения. Рик старался делать вид, будто ему это нравится; лишь когда кишки полезли наружу, его вывернуло наизнанку. Крисфен презрительно плюнул в его сторону, велел приготовить свежего коня – отвести письмо королю. Когда Рик вернулся за письмом, Диэнис уже умер, собаки вылизывали лужи крови, отмахиваясь хвостами от надоедливых мух. Тело никто снимать не собирался: армия Криса занималась более важным делом – наказанием жителей Малгарда. На это у них была всего одна ночь.

Недавно Рик мечтал попасть сюда, сражаться за короля, побеждать его врагов, сейчас он радовался отъезду, пусть и на ночь глядя. Он не представлял, как присоединится к тем, кто носился в поисках недобитых мужчин или орущих от страха женщин. Неделя ожесточённого сопротивления дорого обойдётся жителям Малгарда. Гил Полосатик и Олек Рохля схватили одну женщину и пытались оседлать её вместе, мешая друг другу. В итоге начали кидать монетку, кто будет первым, кто вторым. Они любили эту игру, постоянно спорили друг с другом, что не мешало им быть друзьями не разлей вода. А вот младший сын барона Мэйдингора Влас добычей делиться не станет – светловолосая девочка лет десяти без рубахи, но ещё в цветастой юбке, предназначалась только для него. Теперь он пропадёт на всю ночь, а утром поделится с товарищами сальными подробностями. Михаэль Иглсуд покачал головой, глядя на этот вертеп, и, забрав семерых, отправился обыскивать ближайший дом. Главной страстью Михаэля были деньги и драгоценности, их он искал в первую очередь; потом, если останется время, он подыщет себе какую-нибудь полуживую девочку, мальчика или женщину – в этих вопросах он часто довольствовался остатками, если же их не было, шёл спать один. Он даже за шлюх никогда не платил.

Над Волхидской площадью разнёсся вопль, Рик стряхнул наваждение: ему показалось, что он снова слышит предсмертный крик Диэниса. Чтение приговора давно закончилось, началась казнь. Первым казнили здоровяка Жака. Его привязали к уложенной на эшафоте деревянной конструкции, палач тут же с лёгкостью отрубил ему левую руку. На помост хлынула кровь, зрители радостно загудели. Тут же на эшафоте монах бормотал молитву. Затем под вопли Жака ему отрубили правую ногу. Рик этого не видел: он не отрывался от лица Илзы. Не

глядя на эшафот, она сидела, склонившись к отцу, который выпрямился в кресле, устремив неподвижный взгляд на убийц.

Айварих будто чего-то ждал, хотя его напряжение было почти незаметно. Королева Катрейна смотрела на казнь из-под полуприкрытых век, застыв словно статуя. Из-за морщинистой, блеклой кожи на лице она выглядела гораздо старше тридцати одного года. Рик не знал, что значил Диэнис для Её Величества, но он приходился ей дальним кузеном, да и в любом случае смерть члена самой знатной, могущественной и богатой семьи Сканналии станет ударом для всех Ривенхедов.

Палач – огромный мускулистый молодец с клочкастой бородой и отвисшей губой, одетый в коричневую безрукавку с завязками спереди и просторные штаны, – отошёл, любясь работой. Его помощники шустро перетаскивали отрубленные члены на повозку у эшафота. До конца казни ещё далеко, прикинул Рик, он не может больше откладывать. Рик на всякий случай взялся за рукоять меча, направляя коня к трибуне. Люди недовольно косились на него, цедили что-то сквозь зубы, боясь задевать открыто. Илза заметила его первой и почти сразу узнала. Она привстала в кресле, всматриваясь в его лицо. Её отец, рассмотрев, кто едет, шепнул что-то Айвариху. Тот кивнул.

Когда над площадью разнёсся звук третьего удара, Рик предстал перед Его Величеством. Не глядя на Илзу, он протянул королю письмо от Крисфена, где говорилось о победе над мятежниками, смерти в бою их главаря Диэниса и о том, что завтра, то есть уже сегодня, Крисфен планирует выступить в Северную гавань.

– Ну что ж, изменник получил по заслугам! – сказал Айварих, прочитав письмо, и удовлетворённо откинулся в кресле под стук четвёртого удара топора – палач отрубил Жаку правую руку.

– Смерть ждёт всякого, кто посмеет предать короля, независимо от его звания и богатства! Стервятники в Малгарде неплохо поживились. – Айварих ни на кого не смотрел, но Холлард Ривенхед побагровел. Из-за вороньих крыльев на гербе, многочисленности и умения оказываться всюду, где можно было извлечь выгоду, Ривенхедов за глаза многие называли стервятниками, а молодые Ривенхеды сами частенько себя так называли, бравируя перед соперниками. Стервятников хватит на всех, любили они говорить, уничтожая очередного бедолагу, вызвавшего недовольство могущественной семьи.

Илза схватилась за рукав чёрного отцовского камзола, стиснув пальцы так, что они побелели; её губы дрожали. Отец ободряюще накрыл её пальцы ладонью правой руки. Эту руку барон обычно скрывал под широкой накидкой – Рик впервые близко увидел, как она изуродована: мизинец отсутствовал, два соседних скрюченных пальца почти не двигались. Рик тоже хотел бы утешить Илзу, да куда ему, полунциему бастарду, до этой девушки. Он может лишь стоять в стороне и мечтать.

– Кстати, – Айварих резко обернулся к барону Ривенхеду, – ты проиграл. Видишь, мой палач эту толстую шею с одного удара разрубил.

И в самом деле, Жак после всех мучений лишился-таки головы, которая подкатилась к краю помоста, так что борода свешивалась вниз. К ней тут же потянулись руки. Палач резво отпихнул голову ногой к центру эшафота, ухмыльнулся недовольной толпе и деловито начал отвязывать обрубок тела: его предстояло сжечь на костре. Трясущийся Белес с ужасом наблюдал за тем, что его ждёт. Помощники палача подтащили его к освободившейся деревянной конструкции и начали привязывать.

– Я непременно сегодня же постараюсь вернуть вам долг, – выдавил Ривенхед.

– Ваше Величество, с вами бесполезно спорить, – тихо заметил барон Ворнхолм. Его слегка вытянутое бледное лицо неподвижностью и твёрдостью напоминало мраморную скульптуру древнего воина, только ноздри прямого тонкого носа слегка подрагивали. Серо-стальные

глаза рассеянно скользили по толпе внизу. – Вы всегда ставите на палача, поэтому всегда выигрываете.

– Разве цель игры не в том, чтобы сопернику свои условия навязать? – фыркнул Айварих.

– В таком случае скоро с вами никто спорить не будет. Удивляюсь, зачем Холлард это делает. Да и что за игра, если заранее знаешь результат?

– А что ты предлагаешь, Георг?

– Не сменить ли палача?

– Да где я такого силача найду? – Айварих залюбовался тем, как палач приноравливается для очередного удара по новой жертве. – К тому же, согласишься, если я против него поставлю, то могу приказать, чтобы он топором без усердия махал. Представляешь, как его репутация пострадает, если он голову не в один, а в три удара отрубит? – Айварих засмеялся. – Помнишь, мой прошлый палач как-то и с пятого удара не справился, так со злости грудь твоего тёзки, Георга Мэйдингора, ножом искромсал? Хотя, может, он просто топор наточить забыл?

Георг Ворнхолм едва заметно поморщился, отчего шрам, идущий вдоль левого глаза до левого уха, стал особенно заметным. Война между баронскими родами, потрясавшая страну до прихода Айвариха к власти, оставила на нём след – в одной из битв он едва не лишился головы, но обошлось отрубленной мочкой левого уха. Барон не скрывал увечья: не носил ни усов, ни бороды, демонстративно зачёсывая назад волнистые тёмные волосы.

Рик представил себе сцену, когда топор впивается в шею один раз, потом второй, третий – и содрогнулся от отвращения.

Король вдруг добавил:

– Иногда не так уж плохо проигрывать. Как знать, может, однажды вы будете рады, что я на палача поставлю, а не против него.

Рик заметил, что королева Катрейна напряжённо смотрит куда-то в толпу, словно забыв о казни. Рик пошарил взглядом по собравшимся людям и вздрогнул, увидев высокую фигуру отца. Тот стоял с неизменной тростью, глядя на трибуну. Рик попытался спрятаться в тени. Он не знал, заметил его отец или нет, и уж точно встреча с ним в планы юноши не входила. Интересно, отец вообще знает, что он здесь?

– Ваше Величество, каким образом вы узнали, что летописца убили именно они? – вполголоса спросил барон Ворнхолм. – Что случилось с Истинной Летописью?

Айварих пожал плечами:

– Да их с головой в руках поймали, Летопись их вину подтвердила! Ты же древний закон знаешь – её слово незыблемо и окончательно!

– Ваше Величество, сейчас не те времена, чтобы доверять слову язычников, – вмешался Оскар Мирн, глава Судебной Палаты и большой знаток законов. После прихода к власти Айварих создал при Судебной Палате специальный трибунал под названием Свет Веры, который рассматривал дела еретиков и колдунов. Этот орган формально возглавлял Теодор Ривенхед, реально им заправлял Мирн. Он превосходно владел богословскими науками, знал священную книгу-кодекс Декамртион и законы, а также ненавидел любые упоминания язычников, еретиков и особенно безбожников.

– Не беспокойся, Оскар, в таком деле я не только на Летопись полагаюсь. Естественно, мы их допросили.

– Ваше Величество, как вы прочли Летопись, если летописец мёртв? – негромко спросил Георг Ворнхолм. – Насколько мне помнится, он один может её читать.

Айварих хитро прищурился:

– А что ещё ты помнишь?

– В основном предания. Летопись описывает происходящие в нашей стране события, летописец переписывает их для вас. Помню, в детстве мне хотелось прочесть эту волшебную книгу, с тех пор я не вспоминал о ней.

Почти все мужчины согласно закивали. Илза недоуменно нахмурилась, Рик лихорадочно вспоминал сказки, которые слышал от слуг или от отца. А ведь и впрямь было что-то знакомое в этой истории, но вот что? Какой-то могучий маг по имени Девин чёрт знает когда, тыщу лет назад, заколдовал лист пергамента так, что он знал всё про всех. Неужели это правда?!

Мысли Рика прервали неуверенные слова Уолтера Фроммеля, главного казначея королевства:

– Ваше Величество, я не слышал ничего подобного.

– Немудрено, раз ты в Шагурии родился. Я вот тоже считал, что это всё сказки, пока королём не стал.

– Чем эта Летопись отличается от обычных хроник? – пожал плечами Фроммель.

– В отличие от них, она не лжёт, – ответил Айварих.

Фроммель фыркнул едва слышно и спросил:

– Только летописец может читать её?

– Именно, мой дорогой казначей. Тебе не удастся узнать, кто и где хранит сбережения.

– Летопись способна указать это? – напрягся Фроммель.

– Да, если пожелает.

– Но как проверить, что летописец не лжёт? Он может написать что угодно...

– Это ты в отчётах можешь написать что угодно и надеяться, что тебя не поймают. Летописец клянётся писать правду.

– Я видел много клятв, которые не соблюдались, – возразил Фроммель.

– И как часто клятвopреступники умирали?

– Умирали? Вы хотите сказать, что их казнили?

– Да нет же, – нетерпеливо возразил Айварих. – Просто умирали. От того, что соврали, от самой клятвы.

– Не понимаю, Ваше Величество, – Фроммель явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Да что тут понимать? Вещица волшебная, летописец на ней магическую клятву даёт.

Если он её не выполняет – раз, и нет его! С магией шуточки плохи! Надеюсь, мой новый летописец об этом не забудет.

– Вы назначили нового летописца? – ужаснулся Оскар Мирн, забыв о всяком почтении. От избытка чувств побелела даже ямочка на его чисто выбритом подбородке, приподнятые брови изогнулись почти до кромки волос. Тонкие губы недовольно сжались, отчего глубокие морщины у рта обозначились резче обычного.

– Можно подумать, у меня был выбор.

– Ваше Величество, позвольте заметить, что существование подобных мерзостей в наше время недопустимо! Ради Господа нашего эту варварскую Летопись необходимо немедленно сжечь!

– Ты слишком любишь жечь, Оскар. Свет Веры несёшь, так сказать? Разве недостаточно, что я тебя главой этого трибунала назначил? Сколько ты уже еретических книг сжёг – десятки или сотни? Сколько их хозяев? Трёх или четверых? У тебя в суде ещё пара дел есть. Так что успокойся и мне голову не морочь! В Летописи нет ни слова о Боге или Дьяволе.

– Но зачем назначать летописца? Ни в коем случае нельзя потворствовать богохульству, читая эту гнусную книгу! Её необходимо сжечь! – Рик ни разу не видел, чтобы уравновешенный, услужливый Оскар Мирн вёл себя так возбуждённо и резко.

– Есть книги, которым нельзя заткнуть рот, которые нельзя сжечь! – Георг Ворнхолм пристально посмотрел на Мирна и отчеканил: – Можно убить летописца, но не Летопись. Ей тысяча лет, за это время её пытались уничтожить тысячу раз. Чем больше пытались, тем сильнее она становилась.

– В самом деле, ты историю неплохо знаешь, – заметил Айварих.

– В моей семье чтут традиции.

– Поэтому из твоей семьи ты один остался? – грубо пошутил Айварих, а когда Ворнхолм сделал вид, что не слышал, добавил: – А мне вот никто толком про Летопись не рассказывал, хотя мои предки когда-то ею владели. Хватит, Оскар! – Айварих оборвал Мирна, который хотел сказать что-то ещё. – Уверю тебя, мой новый летописец крайне богобоязненный мальчик, совершенно искренне решил себя посвятить Летописи. Мне его Энгус порекомендовал, это его племянник, – Айварих кивнул на барона Энгуса Краска, главу Монетного двора, чья высокая сухая фигура во всём чёрном возвышалась над всеми, кроме короля. В отличие от Мирна, Энгус Краск принадлежал древнему дворянскому роду и терпеть не мог выскочку из низов, чей отец был простым нотариусом.

Оскар враждебно посмотрел на Краска:

– Лучше бы ему уйти в монастырь и очиститься перед Богом от прежних грехов вместо того, чтобы совершать новые, служа ереси!

– Он как раз в монахи собирался, да я уговорил его передумать, – засмеялся Айварих. – Уж больно красочно дядя его достоинства расписал.

– Да и не все монахи – пример для подражания, – добавил Фроммель, который с интересом прислушивался к разговору: – Надеюсь, что твой племянник будет служить королю верой и правдой, как ты, Энгус!

Краск процедил сквозь зубы:

– У меня нет в том сомнений. Главное – новый летописец принят Летописью. Как известно, её не обмануть. Зря Оскар волнуется.

– Ваше Величество, Господь мне свидетель, меня более всего волнует то, что эта Летопись до сих пор существует. Её необходимо уничтожить! На ней печать дьявола! – упрямо гнул своё Мирн.

Все удивлённо смотрели на разгорячённого Оскара, который обычно не обращался к королю первым. Всегда крайне вежливый, свою точку зрения он доводил до короля только тогда, когда король сам его просил. Впрочем, король обращался к нему часто, ибо, несмотря на молодость – ему было всего двадцать семь, – Оскара Мирна знали далеко за пределами Сканналии благодаря его образованию, знаниям, трудам и обширным связям среди учёных, богословов и философов.

– Тебе же сказали, её нельзя уничтожить! – раздражённо бросил Айварих. – Валамир пытался, так Сканналия чуть в покрытый льдом остров не превратилась. Почему, думаешь, Дайрус летописца приказал убить? Да чтобы в стране не одно восстание началось, а сотня. Вон, у Георга спроси или у Ривенхеда.

– Если не ошибаюсь, летописец жил где-то за кладбищем в лесу, – задумчиво сказал Ворнхолм. – Каким образом его могли убить? Разве Летопись не защищает своего слугу?

– Очевидно, плохо защищает. Или она решила, что слугу пора сменить, – ядовито заметил Айварих. – В любом случае, новый летописец будет во дворце жить. Утром его вместе с Летописью привезли.

– Сюда?! Во дворец?! – задохнулся Оскар от возмущения. – Ваше Величество, умоляю, подумайте, что скажет святейшая церковь?! Несомненно, доминиарх Ривенхед согласится с тем, что дворец не место для языческих ритуалов!

Теодор Ривенхед, пожевав полными губами, кивнул, отчего его второй подбородок стал ещё заметнее, и изрёк:

– Мирн, без сомнения, прав, Ваше Величество. Я, как преданный вам всей душой слуга и представитель пантеарха, обеспокоенный благополучием нашей цветущей страны, хотел бы искренне и со всем уважением предостеречь вас от...

– Доминиарх делами церкви занимается, государственные дела – моё дело. Или ты хочешь, чтобы Дайрус и до нового летописца добрался?

– Ваше Величество, мы, безусловно, осознаём возможные последствия, однако церковь не может одобрить...

– Я сказал, хватит! – оборвал Айварих. – Летопись слишком важна, чтобы её так далеко от дворца держать! И вообще, мы здесь не для того, чтобы мои решения обсуждать, а чтобы зрелищем наслаждаться. – Палач как раз собирался отрубить Белесу правую руку; перед этим к нему подошёл священник и предложил ему покаяться напоследок, прикоснувшись к лику сына Божьего Зарии и его матери. Белес с отчаянной ненавистью смотрел на окружающих, потом обернулся к королевской трибуне и зашевелил губами, словно пытаясь что-то сказать. То ли Айварих его пожалел, то ли ему надоело – по сигналу короля палач нанёс быстрый удар по оставшейся руке. Не успел Белес дёрнуться, как палач снёс ему голову.

– Ваше Величество, – Георг Ворнхолм склонился к Айвариху. – Её Величеству дурно.

Айварих покосился на жену: королева и впрямь побледнела, дыша с трудом. Услышав слова Ворнхолма, она неприязненно посмотрела на барона.

– Ну вот, в кои-то веки из дворца выбралась и сразу приступ! Ваше Величество, почему свежий воздух так на вас действует? Или вас новости о кузене огорчили? – Айварих склонился к самому лицу жены, что-то ей сказал. Катрейна закрыла глаза. Георг Ворнхолм, стоявший рядом, напрягся, не сводя с них глаз.

Айварих недовольно огляделся, ткнув пальцем в Рика:

– Райгард Сиверс! Проводишь мою супругу до кареты, мне пусть другую подадут! Ты со мной поедешь! Мне нужны подробности о взятии Малгарда.

– Слушаюсь, Ваше Величество! – предложив королеве руку, Рик медленно повёл её сквозь толпу сановников и членов их семей. Никто не шелохнулся.

Катрейна шла тяжело, Рик слышал рядом хриплое свистящее дыхание. О её приступах он знал, хотя видеть до сих пор не доводилось – говорили, что королеве часто становится плохо на улице, словно воздух разрывал ей лёгкие. По этой причине она редко покидала дворец, всё больше превращаясь в затворницу. Некоторые шутили, что лучше бы она ушла в монастырь, коли так любит одиночество и стены вокруг. Рик один раз избил очередного шутника – больше при нём о королеве никто не шутил.

С самого его появления во дворце в качестве стражника короля Катрейна выделяла Рика среди других, иногда говорила с ним. Оказалось, она знала его отца, но Рик всегда уклонялся от вопросов о Ноэле Сиверсе, чтобы не грубить и не огорчать Её Величество. Он не простил отца – расстались они после самой серьёзной в жизни Рика ссоры. Видя его реакцию, Катрейна начала деликатно обходить вопросы об отце – правда, на отношении к Рику это не сказалось. Она часто давала юноше мелкие поручения, рассказывала ему о дворце с его обитателями. Когда Рик попытался выяснить у неё, кем была его мать, Катрейна только сказала: «Несчастной женщиной». Впрочем, Рик не обиделся. Он не мог обижаться на королеву: она сама была несчастной женщиной. Рик никогда не видел её улыбающейся, бодрой, уверенной в себе, а потому делал всё, чтобы не огорчать её.

Стоило карете Катрейны отъехать, на её место тут же хлынула толпа народа. Стражники принялись расчищать дорогу для новой кареты. Кто-то толкнул Рика локтем, кто-то наступил на ногу. Рик хотел поддать наглецу как следует, но увидел жалкого низкорослого мужичонку лет тридцати пяти. Мужичонка слегка подёргивался и, казалось, не соображал, где находится. Он извиняюще смотрел на Рика и что-то бормотал тихо и вкрадчиво, оглядываясь назад, где стояла его семья, состоявшая из жены с тремя девочками от четырёх до десяти лет. Рик от неожиданности даже улыбнулся, настолько комично смотрелся этот худосочный глава семейства с редкими прилизанными волосками, почти бесцветными глазами и губами на фоне мощной матроны с красным лицом, в чепце и ярко-красном платье под жёлтой накидкой, обшитой блёстками.

– Понимаете, ваша светлость, вот привёл семью, чтобы посмотреть на короля, на королеву нашу... – расслышал Рик, рука мужчины схватила его за рукав, – ...тут так народу много, так много, куда ж нам, мы никому мешать не хотели. Я вот говорил жене, не надо деток брать сюда, зачем им такую жуть видеть, кровь эту, потом ведь спать не смогут, да она говорит, когда ещё они посмотрят на короля да королеву...

Рик с недоумением слушал поток слов, не понимая, зачем ему всё это вообще говорят. Жена мужичонки хлопнула его тяжёлой лапой по загривку, махнула дочерям рукой и с сожалением оглянулась на пустой эшафот:

– Сам же твердил, что этот палач просто мастер, сильнее никого нет! Дал бы хоть полюбоваться на сильного мужика!

Все, кто слышал сию сентенцию, расхохотались. Мужичонка криво ухмыльнулся, обежал всех бесцветными глазками и пожал плечами. Потом он оглянулся на помост, где палач смачно насаживал голову Белеса на пику. Серые глаза широко распахнулись, стали ярче. Следом палач насадил на пику голову Жака. Одну поставят здесь же на Волхидской площади, вторую – на площади у королевского дворца. Руки и ноги на телегах довезут до четырёх городских ворот и там подвешат, чтобы люди не забывали об участи тех, кто предаёт короля. Мужичонка опустил голову, не глядя ни на кого. Дышал он хрипло, прерывисто. Рiku вдруг стало противно рядом с этим бесцветным типом. Брезгливо стряхнув его руку, Рик отодвинулся.

– Да, королевский палач славится своим умением, – послышался за спиной Рика знакомый голос, от которого он вздрогнул. – Только вряд ли найдётся хоть одна жертва, способная об этом рассказать.

Мужичонка непроизвольно кивал, в конце произнесённой фразы он сжался и уставился на новоприбывшего. Рик скривился, недовольно обернувшись к отцу. Ноэль Сиверс стоял, одетый, как всегда, в длинный старомодный камзол до бёдер, старый синий дорожный плащ с капюшоном и широкополую шляпу с плоским верхом. В руках трость, короткая борода и усы аккуратно подстрижены. Рик не видел отца всего несколько месяцев – казалось, что прошли годы.

Ноэль холодно смотрел на семейство возле Рика. Мужичонка помялся:

– Приветствую вас, ваша милость, – он поклонился, бросая на Ноэля взгляд из-под ресниц. – Вы так редко заглядываете к нам в Нортхед.

– На то есть причины, Тимак. Полагаю, ты всё ещё служишь во дворце?

– Его Величество доволен, весьма доволен, я служу ему со всей преданностью, вы же знаете...

– Ты служишь во дворце? – Рик не помнил, чтобы видел там этого странного человека. – А чем занимаешься?

– Дак всем помаленьку, как Его Величество захочет. Товары привожу вот из разных стран, приборы кое-какие тонкие сделать да починить могу, с людьми дела всякие решаю. Дела – они такие, знаете, всегда находятся...

– Райгард, нам необходимо поговорить, – прервал Ноэль изливания Тимака, пытаясь оттащить сына в сторону от толпы. – Ты не должен был вот так сбегать из дома...

– Сбегать?! – Обида на отца до сих пор не зажила. Рик крикнул, не обращая ни на кого внимания:

– Ты молчал о моей матери, молчал, что я твой бастард, а теперь поговорить захотел?! Не о чем нам говорить! Другие мне всё уже сказали! И вообще, я теперь служу королю, мой дом здесь! Больше ты меня в клетке не удержишь, я теперь сам за себя решаю!

Ноэль нахмурился, тяжело опираясь на трость. Тимак с женой наострили уши. Рик хотел продолжить обвинения, но тут послышался голос короля:

– Где карета?

Молчание повисло над толпой. Тимак с семейством и другие, кто стоял рядом, кроме королевских стражников, буквально попадали на землю. Ноэль тоже склонился, насколько позволяло покалеченное колено. Красный от злости и стыда Рик опустил голову:

– Прошу прощения, Ваше Величество! Меня задержали.

– Господин Сиверс нас визитом почтил, – насмешливо процедил Айварих, обращаясь к Ноэлю. – Решили на казнь посмотреть?

– Нет, Ваше Величество, я прибыл по личному делу.

– Если речь о вашем сыне, то он теперь в моей страже служит – это не ваше личное дело.

– Конечно, Ваше Величество, я лишь хотел убедиться, что он вернулся из Малгарда в целостности и сохранности.

– Вернулся, как видите, даже быстрее, чем мой сын, только времени на разговоры у него нет: завтра до рассвета он отправляется с Дайрусом сражаться. Райгард за последние месяцы многому научился, хотя вряд ли под Малгардом он сумел себя проявить. Холлард как раз мне небольшое войско предоставил, вот пусть Райгард и поучаствует.

Айварих повернулся к Рику:

– Отправляйся к Шеймусу, он скажет, что делать. – Шеймус Ривенхед, младший брат Холларда, не участвовал в сражениях, зато считался знатоком артиллерии и возглавлял Военную Палату. Именно он командовал армией, которая готовилась выступить в Северную гавань.

Рик воспрял духом. Он идёт на настоящую войну! Именно об этом он мечтал в Малгарде! Его ждёт битва с Дайрусом! Отец был забыт, как и всё остальное.

– Благодарю, Ваше Величество! – Рик попятился и упёрся в нечто большое. Это оказалась жена Тимака. Все, включая короля, рассмеялись, только Ноэль помрачнел, но Рику было всё равно: его ждала битва, о которой он грезил много лет.

Глава 2. Земля предков

Лагерь Дайруса Кройдома расположился в Северной гавани, в пятнадцати милях от Нортхеда. Будь его воля, Дайрус двинулся бы напрямиком к столице, однако его наёмникам не под силу победить войско Айвариха. К тому же именно здесь ему велели ждать посланцев мятежного Малгарда. Поддержка восставших поможет Дайрису вернуть отцовский трон. Точно так же, с помощью восстания в Нугарде, Айварих когда-то победил короля Райгарда, отца Дайруса.

Вот он и ждал уже второй день, сходя с ума от неопределённости. Вчера он не разглядел толком, куда они высадились: туман не позволял ничего видеть дальше полусотни шагов. Дайрус боялся, что их поджидают силы Айвариха, – разведчики этого не подтвердили. Все успешно выбрались на берег. Очевидно, их не ждали. В гавани болталось несколько торговых судов и лодок, следов сканналийского военного флота не было в помине. По сведениям он находился на юге. Кораблям Дайруса, чтобы не столкнуться с ним, от Фангарии пришлось плыть сначала на северо-запад до Птичьего острова, откуда повернуть на северо-восток, прямо к Северной гавани Сканналии.

По берегу сновали грузчики, купцы, моряки, таможенники и прочие обитатели любой гавани. Крестьяне из ближайшей деревни приторговывали какой-то мелочью, да рыбак продавал свежевывловленных крабов, рыбу и омаров. Дозорный форта, расположенного у гавани, клялся, что из-за тумана не увидел их приближения и не успел отправить сообщение в Нортхед. Дайрус ему не поверил, приказав повесить, потому что тот не сумел правдиво объяснить, куда делись из форта все остальные дозорные и слуги.

Туман поутру рассеялся, с хмурого неба накрапывал дождь. Гавань никто не охранял, что ещё вчера показалось Дайрису странным, а сегодня выглядело просто подозрительно. Создавалось ощущение, что всем наплевать на новоприбывших. К ночи беспокойство усилилось, хотя патрули не сообщали об опасностях. Несмотря на это, предчувствия не покидали претендента на трон. Обычно Дайрус не отличался верой в предчувствия, разве что это было предвкушение удачной охоты – будь то на зверя или на женщину. Но сейчас он не на охоте, да и женщина, которую он прихватил с собой, никуда не убегает. Дайрус пожал плечами, тряхнул головой, скидывая капли воды с длинных чёрных волос, и плотнее запахнул лёгкий плащ. Кто ж знал, что в разгар первого летнего месяца тут холодно и сыро? Сапоги промокли, грязь чавкала под ногами, холод мешал соображать, тем не менее, что-то держало Дайруса на берегу. Он не помнил, как покидал Сканналию, – ему тогда было три года, – но по рассказам тётки и Ноэля знал эти места с детства. Знал он и то, что однажды вернётся и отберёт у Айвариха трон.

Дайрус отвернулся от почти невидимого в темноте моря, подставил лицо северному ветру, порыв которого чуть не сбил его с ног. Дайрус прикрыл глаза от дождя, прислушиваясь к шуму волн. Не было слышно даже болтовни наёмников, расположившихся у костров под наспех сработанными навесами. Он словно оказался один на краю земли, куда редко ходили корабли, где предания связывали северный ветер со смертью, где населённых городов почти не было, зато было много суеверий и страхов перед магией давно умерших предков. Один из предков – король Валамир – принёс сюда веру в единого Бога, но некоторые древние традиции не умерли до сих пор. Что самое удивительное, этого Валамира Дайрус видел прошлой ночью во сне: король швырял какого-то усатого идола в реку, его снова прибывало к берегу. Слуги Валамира отталкивали его шестами, люди вокруг плакали и что-то кричали. Потом Валамир повернулся к Дайрису и объявил, что старые боги больше не вернуться, а если вернуться, то их надо остановить и отправить обратно по Мёртвой реке, иначе страна может погибнуть. Утром Дайрус сразу забыл сон – сейчас он всплыл в памяти. Дайрус помнил, что река Марвага – в просторечии её прозвали Мёртвой – начинается к северу от Нортхеда. Это единственная река

в Сканналии, которая течёт на север в Иштирию. Где она заканчивается, не знает никто, ибо те, кто рисковал отправиться в северные земли, никогда не возвращались.

Шаги сзади прервали размышления, Дайрус обернулся, стряхнув наваждение. Опять Мая явилась! Зачем он взял её с собой? Эта девчонка так цеплялась за него, что он не смог оставить её в Барундии. Да и куда он бы её пристроил? А так и ночью погреться можно, и днём делом занята: он половины своих наёмников не понимает, тогда как Мая знает кучу языков, умеет читать, считать и всё время что-то пишет. Правда, что она там пишет, кто её знает. Надо бы ознакомиться с этими писульками.

Мая робко приблизилась к покровителю. Эта робость начинала раздражать Дайруса: что он, изверг что ли? Ни разу пальцем не тронул, а она словно ждёт удара. Оно, конечно, неудивительно, учитывая обстоятельства их знакомства, но ведь не он её насиловал в том подвале! Он же её спас, прикончил двух ублюдков и неплохо развлёкся при этом. Стоило бросить её там без сознания, так нет, пожалел, дотащил до дворца, где вызвал королевского лекаря, чтобы перевязать полученную в драке царапину на руке и заодно осмотреть девчонку. Лекарь сказал, что она сегодня перестала быть девственницей, ничего страшного – переживёт. И ушёл, а девчонка осталась. В принципе, Дайрус не возражал. На вид он дал ей лет пятнадцать, хотя фигура её пышностью не отличалась. Несмотря на коротко подстриженные светло-русые волосы, довольно смазливая. Она в основном молчала, всегда повинуюсь его приказам.

Звали её необычно, Сам-что-то-там – Дайрус называл её Мая. Поначалу она просто сидела одна в комнате и ничего не замечала, потом начала бродить по комнате. Когда Дайрус попытался затащить её в постель, она заплакала, и всю первую ночь он её утешал. На вторую Мая особого рвения не проявила – правда, из постели не сбежала. Даже теперь, через несколько недель после знакомства, она ждала, что он сам всё сделает. Это бесило Дайруса, но не брать же в поход Калерию, лучшую шлюху борделя, расположенного в квартале от дворца короля Барундии.

Собственно, к Калерии Дайрус и направлялся, когда услышал женские вопли, среди которых разобрал слова на сканналийском языке. Это было так странно, что он прислушался, чего обычно делать бы не стал – мало ли кто как развлекается. С ним ехали два приятеля и трое слуг, все шестеро были навеселе. Дайрус тут же предложил проверить, кто там орёт в подвале дома, хотя до борделя оставалась сотня шагов. После проверки из троих насильников в живых остался один – самый прыткий. Он и нанёс Дайрусу рану на руке. Рана давно зажила, а Мая осталась и всюду таскалась за ним. Вот опять пришла: стоит как тень и молчит. Дайрус едва сдержался, чтобы не наорать на девушку. Если бы она сказала хоть слово, он бы так и сделал, однако она говорила редко. Дайрус молча плюнул и зашагал к лагерю.

Его люди уже были порядком злы. Он их понимал. Все устали, промокли и мёрзли даже у костров, ругая почём зря Дайруса, Айвариха и эту долбаную промозглую Сканналию. Хотя бы голодать не приходилось – слуги сновали меж костров, на которых в котлах готовилась еда.

Странно – есть не хотелось. Дайрус шёл к своей палатке, стараясь не обращать внимания на хмурые и опасные взгляды наёмников, собранных по всей Фангарии и Барундии. Король Барундии ГиEMON немало ему в этом помог – Дайрус подозревал, что весь поход придуман с целью избавить Барундию от всякого сброда. Здесь были нищие барундийские солдаты, вернувшиеся с религиозной войны с Шагурией; шагурийские солдаты, дезертировавшие из Шагурии после того, как зарианцы потерпели поражение. Конечно, все как один утверждали, что они честные эктариане, которые не могут видеть, как в их стране правят треклятые зарианцы. Много было уголовников, вытасенных из тюрем, – их без труда убедили присоединиться к войску Дайруса. Хватало и тех, кто из-за бедности согласился поучаствовать в походе. На подготовку пришлось потратить несколько дней, но Дайрус сомневался, что это поможет. Впрочем, королю без короны выбирать не приходилось. Придёт время, верные вассалы будут поставлять ему солдат для войска, пока же немалую часть его армии составляют убийцы, насильники,

неудачники, воры, бродяги, разорившиеся крестьяне и бог знает кто ещё. Более-менее приличными вояками были моряки с кораблей, принадлежавших Стефану Фангарскому, троюродному кузену Дайруса. Фангария – восточная область Лодивии на границе с Барундией – обладала небольшим флотом и мечтала о самостоятельности, чего король Лодивии Урмас Десятый допустить не мог, время от времени делая попытки отобрать флот в пользу лодивийской казны. Стефан на время передал Дайрусу корабли и раздобыл денег, взамен Дайрус пообещал помочь Фангарии в борьбе за независимость, обеспечив торговому флоту Стефана беспрепятственный проход по Нейскому каналу. Он выполнит обещание, если станет королём Сканналии! Правда, Дайрус уже не верил, что сможет это сделать.

Дайрус остановился у сиротливого костра, отмахнулся от плосколицего узкоглазого слуги, суевившегося над огнём, и присел на бревно, которое Дим ухитрился сохранить сухим. Дим, как и Мая, имел более сложное имя – Дайрус даже произнести его не мог. Никто не знал, из какой он страны, да никто и не интересовался. ГиEMON просто всучил Дима племяннику, не слушая возражений. Может, шпионить поставил? Ну и хрен с ним, зато травяные отвары у него отменные, особенно если добавить туда кое-чего покрепче: Дайрус продрог до костей.

Мая присела рядом, сняла с плеча деревянный футляр, обшитый выцветшей кожей, поелозила ключом в замке и вытащила тетрадку. Раскрыв её, она пробежала глазами страницу, задумчиво подняв лицо к беспросветному небу. Дождь прекратился, зато ветер не умолкал, заставляя страницы дёргаться словно живые.

От соседнего костра раздался взрыв смеха. Дайрус заметил насмешливые взгляды, которые наёмники бросали в их сторону. Он невольно прислушался.

– ...ну вот, порезвились мы, тут этот козёл приставил мне нож к горлу с вопросом: «Какой церкви поклоняешься?» Прикинь, только что вместе бабу сношали, а он лезет со своим вопросом! Её-то этот мудака про веру не спрашивал!

– Исповедать, что ли, тебя собрался?

– А хрен его разберёт. Полез смотреть, висит ли у меня на шее лик или нет, да только моя верёвочка давно сгинула...

Дайрус невольно коснулся золотой струны, висевшей на шее. Эктариане верили, что такая вот невидимая струна, состоящая из десяти нитей, соединяла души людей напрямую с Отцом Небесным и после смерти помогала им попасть на небеса. Кончики струны скреплялись на груди. Эктариане, в отличие от зарианцев, носили на струне лик сына Божьего Зарии или его смертной матери Миры, вырезанный на тонкой пластинке. Внешне это было самым заметным отличием между зарианцами и эктарианами: зарианцы считали лики проявлением идолопоклонничества, боролись с ними изо всех сил.

– А ты? – вклинился в мысли Дайруса голос наёмника.

– А чего я? Захочешь жить, скантом обзовёшься.

– Тогда тебя и те, и другие пришьют.

– Да щас. Эктариане и зарианцы друг друга ненавидят больше, чем язычников поганых.

– Это потому, что язычников не осталось.

– Уж и не осталось. А кто Таркуруна поминал, глядячи на молнии?

– Да я ж к слову.

– Так и я к слову.

Дайрус поморщился. Такие разговоры точно не одобрила бы его покровительница Маэрина Барундийская. Она шпыняла его за бранные слова, за недостаточное прилежание в учёбе, за ошибки в сканналийском языке, но её религиозность была почти фанатичной. Даже её муж, король ГиEMON, прикусывал язык в её присутствии, хотя обычно не стеснялся в крепких выражениях по отношению к церкви, чьи богатства и власть не давали ему покоя.

Идеи церковных реформ витали в воздухе, о них говорили во дворцах, на рынках и в деревнях Барундии и других стран, о чём Дайрусу рассказывали приезжие. Дворец ГиEMона

был прибежищем как для образованных людей разных стран, так и для знатных эктариан, бежавших на запад из той же Шагурии или более восточных земель. Эктарианская церковь слишком разбогатела, слишком много монастырей, орденов и прочих нахлебников расплодилось, слишком много правил и церемоний, которые оплачивались непомерными налогами. Против этого выступали зарианцы, считавшие, что нужно разогнать монастыри, отменить почитание святых, прекратить увешивать храмы многочисленными иконами – вместо этого сосредоточиться на более простых и понятных заветах, изложенных в священном кодексе Декамартион.

Зарианцы, как и эктариане, верили в Отца Небесного, в то, что он держит в руках невидимые струны человеческих душ. Те и другие верили, что грехи отягощают душу, не позволяя ей по невидимой струне подниматься на небеса после смерти; что каждый из десяти смертных грехов обрывает одну из десяти нитей струны; что если порваны все десять нитей, душа низвергается в ад. Различия между эктарианами и зарианцами проявлялись во взглядах на пути спасения души, совершившей меньше десяти грехов, или же отягощённой незначительными грехами. Если грешник не имел возможности или не хотел искупить их сам, издавна ему помогали в том монахи. Монастыри появились изначально как места для тех, кто мечтал о безгрешной жизни, дабы после смерти вознестись к Богу без того, чтобы душа болталась где-то между небом и землёй. Если святые были одиночками, нёсшими веру язычникам, то монахи собирались вместе, жили по общим правилам, совершая добрые дела. Так, по крайней мере, внушали Дайрусу с детства. Они совершали так много добрых дел, что со временем стали записывать их на бумаге, скрепляя печатью монастыря и продавая грешникам. Такие бумаги назывались дайалуты. Зарианцы объявили дайалуты не меньшим злом, чем грех, ибо каждый человек должен искупать грехи сам, а не покупать прощение у других грешников, каковыми зарианцы считали монахов. Так же относились зарианцы к святым: по их мнению то были обычные люди – они не заслуживали почитания наравне с Богом. Даже лики сына Божьего Зарии и его матери Миры они считали порождением человеческих слабостей и желания иметь кумира под рукой, ибо согласно их учению Зария не носил лика, не молился иконам и святым. Зарианцы считали, что этому примеру должны следовать все его последователи.

Более двадцати пяти лет зарианцы вели борьбу против монастырей, дайалутов, почитания святых, ликов и икон, дорогих и сложных обрядов; их учение укоренилось во многих странах, с чем неустанно боролся латейский престол. Пантеарх Латей – хранитель кодекса Декамартион – вёл переговоры с эктарианскими правителями, поддерживал походы против зарианцев. Несмотря на это, популярность новой веры ширилась как среди простых людей, так и среди знати. Зарианцы дошли до такой наглости, что переводили Декамартион на разные языки, чтобы простые люди сами могли его прочесть. По мнению эктариан, только пантеарх Латей имел право объяснять Божьи заповеди через назначенных в разные страны эмиссаров – доминиархов.

Церковь Сканналии перемены пока не затронули благодаря твёрдой политике Айвариха и изолированному положению страны, хотя сам Айварих родился в Шагурии, и его первой женой была зарианка. Требование реформ на юге Сканналии становилось всё настойчивее, что давно беспокоило Барундию.

Сканналия представляла собой вытянутый – миль триста в длину и сто тридцать в ширину – полуостров к северу от Барундии. Обе страны соединял Нейский перешеек. Его сотни лет контролировали жители Нугардской области – самой южной части Сканналии. Пятнадцать лет назад именно они помогли Айвариху отобрать трон у отца Дайруса.

Дайрус радовался, что не пришлось идти пешком через Нейский перешеек, хотя захватить Сканналию с моря было ещё труднее. На восточном побережье у Нугарда имелась одна-единственная пригодная для судов Новая гавань, построенная на Нейском перешейке. Плавать дальше на север мешали течения и бури – никто не рисковал отправлять туда корабли.

В полумиле к югу от Новой гавани начинался огромный разлом, заполненный морской водой, из-за чего его называли Нейским каналом. Разлом рассекал Нейский перешеек с востока на запад, превращая Сканналию фактически в остров, если бы не удивительный скальный мост, соединявший берега разлома у Нугарда, удачно расположенного между разломом и гаванью. Мост в две мили шириной – в народе его звали Дройхедским – аркой выгибался над водой, позволяя судам курсировать по Нейскому каналу. Ходило немало легенд о том, как возник этот разлом вместе с мостом, какие бедствия в те времена пришлось пережить народу, но всё это было давно.

Западные воды Сканналии были поспокойнее. Правда, тут корабли поджидали многочисленные скалы, хитро упрятанные природой, чтобы в самый неподходящий момент заманить какое-нибудь судно в ловушку. Кроме того, западное побережье покрывала сеть горных и прибрежных форпостов, позволявших сообщать о появлении чужаков. Больших гаваней на западе было в два раза больше, чем на востоке – целых две. Южная гавань также принадлежала Нугарду и находилась у западного конца Нейского канала; Северная обеспечивала связь с морем столицы Сканналии Нортхеда, где располагался королевский дворец Айвариха. К северу от Нортхеда Сканналия снова сжималась до узкого перешейка, который уходил в неведомые земли Иштирии, северной области Сканналии. Где Иштирия заканчивалась, жили там люди или призраки – этого никто не знал. По преданиям там всё было покрыто льдом, а жили в Иштирии старые боги скантов – народа, когда-то населявшего Сканналию. Границу Иштирии отмечала Черта – стена плотного тумана, скрывавшего северные земли от взоров любопытных. Страна Ледяного Тумана – так называли Иштирию те, кто верил, что за туманом их ждёт загробный мир бога Селевруна.

Какая прихоть природы или причуда богов создала такое странную, неудобную, малодоступную страну, Дайрус понятия не имел, как не знал, где на севере Сканналия заканчивалась, потому что никому ещё не удалось обогнуть эту землю по морю. Столетиями смельчаки пытались доплыть из Лодивии в Шагурию в обход Сканналии – льды, скалы и ветры заставляли их возвращаться или сложить головы в тщетных усилиях найти морской путь с запада на восток. Ушлые торговцы использовали либо Нейский канал, либо шли через земли Барундии, в зависимости от того, где было выгоднее. ГиEMON с Айварихом ревниво следили за доходами друга.

Дайрус очнулся от размышлений о наследстве, которое ему предстояло завоевать, прислушиваясь к болтовне солдат. Мая по-прежнему сидела рядом, напряжённо слушая тот же разговор.

– ...а красоты в ней куда больше, чем в иной королевской шлюхе...

Дайрус дёрнулся. Слово «королевской» звучало с такой издёвкой, что к лицу будущего короля прилила кровь. Солдаты, уже изрядно захмелевшие, несмотря на все запреты, смеялись, поглядывая в их сторону, их признанный лидер – Василь Беззубый – призывно облизывал губы. Командир Василя, сотник Марик Седой из Броддама, подошёл, молча врезал ему по роже и так же молча вернулся к костру, приглаживая по дороге густую седую шевелюру. Его изборождённое оспинами лицо казалось совершенно спокойным.

Дайрус облегчённо вздохнул. Марик предупреждал принца, что с бабой горя не обещаться, требовал ссадить её на Птичьем острове – Дайрус отказался наотрез. Теперь вот приходится расплачиваться. Ему хотелось наказать Василя, чтоб другим было неповадно, но он не представлял, как поставить на место этих мерзавцев. Вмешайся он, кто знает, как поступит тот же Василь, за спиной которого не один десяток убитых еретиков-зарианцев и вряд ли меньше эктариан – он прошёл три войны. Хотя зубов у него во рту и впрямь почти не осталось, кусаться он умел. И не факт, что остальные поддержат Дайруса. К счастью, Марик сам решил вопрос, Дайрусу же лучше сделать вид, что он ничего не слышал. В конце концов, Мая того не стоит. Вон уткнулась в книжку, словно ничего не слышит. Дайрус вспомнил, что хотел проверить, о

чём она пишет. Он протянул руку, рывком выхватив книгу из рук девушки. Мая вздрогнула, испуганно покачала головой. Она попыталась отобрать книгу – Дайрус упрямо оттолкнул её руку и громко прочёл вслух:

– «...мы всё еще плывём на север. Берега Сканналии не видны за горизонтом, мы держимся подальше от них, чтобы нас не заметили с береговых постов...» – Дайрус фыркнул: – Гляжу, ты внимательно слушала. Никогда бы не подумал. – Он перелистал пару страниц:

– «...родители так много говорили об этой стране, что мне кажется, будто я знаю о ней больше, чем все на этом корабле. Странно: я помню, чему меня учили, а вот папу и маму не помню почти совсем, хотя они умерли недавно. Не знаю, порадовались бы они, если узнали бы, что я возвращаюсь сюда...»

Дайрус с досадой смотрел на Маю:

– А меня уверяла, что ничего о себе не помнишь!

Мая молчала. Дайрус нахмурился и вернулся к чтению:

– «Не знаю, что бы я делала, если бы не встретила принца. Я не помнила, где мой дом, только знала своё имя. Он взял меня, чтобы я помогала его воинам общаться между собой, но, мне кажется, они друг друга понимают и без меня, я их боюсь. Принц Дайрус снова мучился от морской болезни, его рвало почти весь день, он совсем ослабел...» – Если бы громкий хохот не прервал чтение, Дайрус и сам бы остановился. Те неприятные мгновения он предпочёл бы забыть напрочь. Чёрт побери Маю с её писульками! Что ещё она там понаписала о нём и как она вообще посмела?! Если придётся покинуть Сканналию, он бросит девчонку тут!

Дайрус смял книжку в руках и швырнул её в огонь. Мая застыла, глядя на горящую бумагу, потом кинулась к костру. Дим перехватил её, удерживая, пока огонь пожирал свидетельство чужих слабостей. Мая не вырывалась, она прижалась к Диму и сквозь слёзы смотрела то на книгу, то на Дайруса.

– Между прочим, вышло получше, чем раньше, – встрял Сильвестр по прозвищу Монах. Он представлялся поэтом. То ли он сбежал из монастыря, то ли принял обет вести себя как монах, но прозвали его именно так. Он был довольно толст, почти лыс; его черты менялись в зависимости от выражения лица – невозможно было сказать, толстые ли у него губы, широкие ли щёки, даже цвет серых глаз иногда словно менялся. Целый день он где-то шлялся и вот внезапно возник из темноты. Никто не знал, как эта странная личность затесалась в армию Дайруса, зато настроение он поднять умел.

Василь подскочил к ним. От него разило хмелем.

– Вашество, от девчонки заодно не хотите ли избавиться? Я бы её оприходовал...

– В моя страна муссина спрашивать зенсина про её zelanie, – глядя в упор на Василя, произнёс Дим. Он вечно коверкал слова, из-за чего над ним все издевались. Дим не обращал внимания на такие мелочи.

Василь медленно обернулся к нему:

– Жёлтая обезьяна что-то сказала? – Он оскалился и передразнил: – А в моя страна мужчина берёт, что хочет, или он не мужчина! – и ехидно оглянулся на Дайруса.

Дайрус понял, что придётся отреагировать на оскорбление. Пока он думал, Дим вдруг оказался рядом с Василем и нанёс резкий, почти невидимый удар в грудь противника, после чего врезал ему ногой между ног. Василь издал какой-то задушенный стон, повалился на землю и завыл. Пара его приятелей, чьих имён Дайрус не знал, бросилась на помощь – Дим с лёгкостью, словно это ему ничего не стоило, отправил их к Василю. Казалось, Дим с места не тронулся, а оба нападавших уже катались по грязи, причём один явно сломал руку и орал благим матом.

Ещё несколько человек поднялись, решая, стоит ли вмешаться. Дайрус, наконец, опомнился и крикнул:

– Хватит!

Прозвучали окрики из темноты, Марик Седой угрожающе навис над Василем. Кто-то пошутил над поверженными, кто-то присвистнул, глядя на три корчившиеся от боли жертвы; некоторые явно не прочь были расправиться с иноземцем, поднявшим руки-ноги на их друзей. Большинство же собравшихся с интересом поглядывали на Дима, который внимательно водил по сторонам раскосыми чёрными глазами. Дайрусу Дим напоминал приготовившуюся к броску змею.

– Иди в палатку! – велел Мае Дайрус. Та кивнула и побрела в темноту. Дим пошёл проводить её, Дайрус сделал вид, что так и надо. Новых оскорблений не последовало.

– Чтоб ему, безбожнику поганому, с его ломаным языком, пусто было, – пробормотал себе под нос Дайрус. – Не хватает мне с ним проблем! Чего лезет на рожон?

Настроение, без того поганое, испортилось совсем, зато незаметно прошёл страх перед солдатами. Поэт, увидев возможности для развлечения, принёс лютню и запел похабную песенку о том, как два брата не поделили юную деву, порешив начать из-за неё поединок. Веселье продолжилось.

Дайрус не стал слушать песню до конца. Напоследок глянув на Василя и его приятелей, он отправился вслед за Маей и Димом. Эта парочка удивительно легко нашла общий язык – друг с другом они говорили больше, чем со всеми остальными вместе взятыми. Мая обучала Дима сканналийскому, расспрашивала его о далёкой родине, Дим покровительственно относился к девушке с самого первого дня, когда она появилась во дворце. Сегодня впервые Дайрус увидел, на что он способен кроме мытья посуды и готовки еды. При нём Дим никогда не брал в руки оружия – кто же знал, что оно ему не нужно?

Мая уже почти не плакала, когда Дайрус забрался в палатку, а тихо лежала на сырой подстилке. Дайрус разделся догола, моментально покрывшись мурашками, и нырнул под одеяло. Его знобило, он мечтал побыстрее согреться и заснуть. А как лучше согреться? Подтащив Маю к себе, он стянул с неё одежду и приступил к делу. Мая неловко коснулась его лица пальцами – Дайрус отмахнулся. Где же чёртовы посланцы восставших? Разбиты они или идут на помощь? Где армия Айвариха – ведь не может же он не знать об их присутствии? Вопросы волей-неволей возникали – Дайрус остервенело гнал их прочь, усиливая толчки. Потом Дайрус прижался к Мае – так было теплее – и задремал. Где-то в мозгу свербила мысль: зачем он ввязался в эту бессмысленную авантюру? Во сне он шёл от Северной гавани к Нортхеду – вместо этого оказался у неведомой туманной Черты. Айварих швырял его в Мёртвую реку, как Валамир деревянного идола.

Самая долго не могла заснуть, слушая хрипловатое дыхание принца Дайруса. Похоже, он всё-таки простудился несмотря на её и Дима травяные настои. Оставалось надеяться, что его не схватит лихорадка посреди этого холодного, негостеприимного края. Самая теснее прижалась к Дайрусу, отдавая ему тепло. Ей было жаль принца. Он старался быть командиром, но большинство солдат его ни во что не ставили. Она точно знала, что некоторые прибыли сюда с целью дезертировать – за прошедший день армия Дайруса недосчиталась пары десятков человек. Так ей сказал Дим – он всегда всё замечал. Она не хотела огорчать Дайруса и не сказала ему об этом. Даже когда он выбросил её записи, она промолчала – всё равно они ей больше не нужны. Если потребуется, она снова запишет свои ощущения и наблюдения, а пока пришло время остановиться. Ей уже удалось увидеть лица родителей, хотя она не знала их имён, она вспомнила какого-то старого деда и похожего на неё саму мальчика, лежавшего в гробу. Память медленно начинала возвращаться, от воспоминаний голова иногда жутко болела. А ещё она боялась, что её прошлое окажется тяжёлым и болезненным, как то изнасилование.

Сама того не желая, она постоянно возвращалась к этому неприятному событию: с него, можно сказать, началась её новая жизнь. Что было в старой, она почти не помнила. Как она оказалась в том доме, кто те люди? Она смутно помнила боль и тяжесть тела насильника, пом-

нила его руки на груди, зато лица его не помнила совсем – от слёз всё расплывалось. Когда всё кончилось, она пыталась уползти – другие, однако, тоже хотели получить удовольствие. Тогда она отчаянно закричала, причём не на барундийском языке, а на сканналийском, который они вряд ли знали. Она умоляла их оставить её в покое, дать ей уйти – небеса её услышали, послав Дайруса. Он ворвался в её жизнь, спас, забрал с собой. Высокий, с чёрными волосами, тёмными пронзительными глазами и густыми бровями, он не был очень красив из-за длинного крючковатого носа и грубоватых черт лица. Из благодарности она старалась быть ласковой, даже привыкла спать с ним по ночам, хотя в постели особенно остро вспоминался первый печальный опыт. Она не испытывала ни желаний, ни удовольствия от близости с принцем, зато в остальное время жила своей жизнью, никто не расспрашивал её о прошлом, которого она не знала. Дайрус бывал и нежным, и грубоватым, по-своему любил её – ведь он её не выгнал на улицу без денег и памяти. Там, во дворце, где собирались люди из самых разных стран, она выяснила, что понимает многие языки. Дим посоветовал королю Гиемону использовать её, когда королевский переводчик сломал шею. Позже она переводила речи наёмников, записывала их имена, составляла списки продуктов и всего необходимого для похода, указывая точную стоимость всех товаров, подсчитывала, сколько кому выдать жалованья. ГиEMON, глядя на неё, ухмылялся и советовал племяннику не слишком увлекаться женщинами вдали от Барундии. Самая во дворце не раз слышала, что Дайрус может жениться на Марции, дочери Гиёмона – само собой предполагалось, что это произойдёт, если бездомный принц станет королём Сканналии. Говорить об этом при королеве Маэрине боялись – её сводная сестра Катрейна была королевой Сканналии, – но шила в мешке не утаишь, и, наконец, свершилось то, о чём даже слуги шептались меж собой с тех пор, как Дайрус появился во дворце: принц отправился завоёвывать трон. В какой-то мере Дайрус напоминал Самайе её саму: такой же бездомный и неприкаянный в поисках места под солнцем. Она цеплялась за него как за последнюю надежду обрести дом.

Мысль о том, чтобы плыть в далёкую незнакомую страну, не сразу пришла ей в голову. Дайрус не собирался брать её с собой, но Дим сказал, что в бреду и во сне она часто упоминала родных из Сканналии и город Нортхед. Дим также разыскал в Арпене дом её родителей и выяснил, что вся её семья погибла, дом сожгли. Соседи считали Маю погибшей, называли ведьмой; при упоминании её имени они прикасались к висящему на шее лику Зарии или его матери. Дим посоветовал Мае уехать в Сканналию и поискать там родных. Засыпая, она мечтала о том, как Дайрус станет королём и поможет отыскать родственников.

Самая проснулась на рассвете от внезапного шума. Полог палатки откинулся, знакомый колючий голос произнёс:

– Ваше Высочество, прибыли гонцы с новостями!

Дайрус устало поднял голову, стяхивая сон и пытаясь сообразить, о чём речь:

– Каковы новости? – прохрипел он и закашлялся.

Незнакомец продолжил:

– Восстание в Малгарде разгромлено, войско Айвариха на подходе!

Глава 3. Первая битва будущего короля

Они едва успели подготовиться к нападению, как их атаковали прибывшие всадники. Пехотинцы Дайруса были готовы: длинные пики служили надёжным заслоном от этого манёвра. На месте противника Дайрус сначала пустил бы в ход лучников, но, похоже, во главе солдат Айварих поставил человека, не любившего тратить время на стрельбу. Уставшие лошади, отмахавшие пятнадцать миль, мало годились для боя. Лучше бы их командир приказал всадникам спешиться и идти в атаку пехотинцами.

Впрочем, Дайрус не жаловался: он не хотел проиграть первый бой, даже если победа достанется из-за идиотизма соперника. К счастью, сама природа неплохо защитила гавань: горные кряжи закрывали её с юга и севера, переходя в невысокие холмы. Между холмами приоткрылась узкая равнина, по которой проходила дорога от Нортхеда к гавани. Эту-то равнину перекрыла пехота с пиками. На холмах по флангам Дайрус поставил арбалетчиков, лучников и артиллерию. Подходящее место для обороны, к тому же, Дайрусу повезло, что нападавшие не дождались подкрепления.

Конечно, будь у Дайруса конница, шансов было бы больше, но откуда ей взяться? Кораблей кузен Стефан выделил не так много – едва влезли четыре тысячи воинов и около пяти сотен слуг, мастеровых, оруженосцев с пажами. Наёмники, по большей части, не имели денег на лошадей. Впрочем, сканналийцы не обладали крупными армиями или конницей: они не ходили походами на другие страны, и к ним никто не совался. До гражданской войны во времена отца опасность исходила разве что от горцев Рургарда, да и она закончилась сто лет назад, когда последний король Рургарда признал власть короля Сканналии. Последние мощные укрепления Сканналии построили именно тогда, с тех пор большая часть городских стен пришла в негодность. «Жаль, – подумал Дайрус, – что мне это не поможет».

Дайрус всмотрелся в поле боя: конница Айвариха рассыпалась перед оцетинившейся пиками пехотой и пыталась продолжить атаку, несмотря на ливень из стрел. Всадники быстро приближались – их поджидали ямы, вырытые вчера по приказу Дайруса. Говорить о победе, конечно, рановато, пока же события развивались в его пользу.

Да, конницы у него не было, зато у него отличные лучники и арбалетчики, есть также несколько пушек, которые напрочь отсутствовали у нападавших – их просто не успели притащить. Пушки стояли на флангах армии Дайруса, они уже сделали несколько выстрелов, выведя из строя с полсотни всадников и лошадей.

Как доложили разведчики, им противостоял отряд в две тысячи человек. У Дайруса вдвое больше – хуже обученных, менее сплочённых. Оставалось надеяться, что его люди будут драться изо всех сил ради того, чтобы выжить.

На самом деле, как только Дайрусу сообщили, что восстание разгромлено, он мечтал поскорее убраться из Сканналии. Его войско не сможет захватить страну, как бы им этого ни хотелось. Для осады и захвата Нортхеда нужна помощь хотя бы Малгарда – жаль, на неё теперь рассчитывать не приходится. Разумнее всего отправиться восвояси, однако все не успеют погрузиться на корабли до прибытия врага – их с лёгкостью уничтожат силы Айвариха. Дайрус не хотел бросать людей на произвол судьбы, решив дождаться врага и дать бой.

Когда закончилась первая атака, Дайрус потерял меньше сотни людей, при том что около двухсот солдат Айвариха остались на поле боя.

Принц велел перестроиться, убрав в сторону раненых и убитых. Стоило начаться новой атаке, как хлынул ливень. Вскоре из-за дождя лошади стали вязнуть в песке, тетивы луков и арбалетов вымокли. Порох превратился в жидкую кашу – от пушек пришлось отказаться. Кончилось тем, что обе армии сошлись врукопашную, используя мечи, кинжалы, пики и алебарды. Тут уже исход боя решала численность.

Дайрус ждал на правом фланге, пытаясь с холма рассмотреть, что происходит в гуще сражения. Из-под пелены дождя внезапно возник Дим – Дайрус выругался, скрывая испуг. Слуга притащил промокшего насквозь типа в рваном плаще.

– В чём дело? – рявкнул недовольный Дайрус. Дим ухом не повёл, его спутник сказал:

– Ваше Высочество, к вечеру или к утру прибудет Крисфен с ратью. Там тысячи полторы всадников. А ещё сюда движется флот из Южной гавани...

Флот, значит. Этого следовало ожидать. Дайрус почему-то только сейчас понял, что придётся бежать. Он прибыл сюда стать королём – в итоге выставит себя на посмешище перед всем миром, представ перед дядей и тёткой как побитая собака. Ярость и обида буквально рвались наружу – Дайрус дал им выход. До сих пор он участвовал только в учебных боях да уличных драках – он постарался припомнить все навыки и умения, пока мчался навстречу битве, которая звенела вдали ударами мечей, хрипела треском ломающихся копий и кричала сотнями глоток. За Дайрусом неслись несколько человек, они все вместе врубались в ряды сражающихся. Штандарт с гербом Дайруса в виде щита, разделённого вертикально на синее и белое поле со стоящим на двух ногах львом в центре, поплыл над полем битвы.

Начала сражения Дайрус почти не запомнил: он рубил и колол всех, ничего вокруг не замечая. Постепенно крики «Принц Дайрус!» пробились сквозь грохот битвы. Вражеские солдаты быстро сообразили, кто перед ними, усилив напор. Они что-то кричали – Дайрус различил несколько фраз, долетавших со всех сторон: «Отродье убийцы!», «Будь проклят сын узурпатора!», «Нет ублюдку Райгарда!», «Выпотрошить мерзавца!».

Перед Дайрусом возник мальчишка лет пятнадцати в открытом шлеме и яростно замахал мечом, который он явно лишь недавно научился держать в руках. Меч был невелик, мальчишка вертел им не слишком умело, но тоже орал: «Смерть сыну изверга!»

Дайрус, недолго думая, рубанул парня тяжеленным мечом, тот рухнул на скользкую землю, попытался вскочить – поскользнулся и снова упал. Дайрус почти ничего не видел из-за дождя, и со злости ткнул мечом в то место, где лежал мальчишка. Удар пришёлся по подолу кольчуги: лезвие скользнуло к бедру, мальчишка вскрикнул – похоже, зацепило всё-таки. Дайруса уже оттеснили в сторону; он успел прикончить несколько человек, когда снова оказался рядом с мальчишкой: тот стоял на колене, поддерживая вторую ногу. Кровь сразу смывал дождь – видно было, что парень потерял её немало. Дайрус хотел отвернуться и продолжить бой, но мальчишка упрямо встал и, с ненавистью глядя на Дайруса, поднял меч. Дайрус собрался его добить, когда сзади кто-то заехал мальчишке булавой по шлему. Краем глаза Дайрус заметил свой штандарт и оскалился. Битва продолжалась.

Самая выпрямилась, вытерла пот со лба, любуясь фигурой принца на берегу. Она едва успела прийти в себя от страха, что его убьют, и теперь постоянно оглядывалась на него, словно боялась поверить своим глазам. Битва шла полдня, сейчас все лихорадочно грузились на суда, отобрав для этой цели все лодчонки у местных. Но всё равно погрузка займёт не один час – Самая боялась, что принц не успеет уйти от врагов. Легкораненые солдаты Айвариха собирались у леса по приказу Дайруса, их охраняли люди Марика Седого. Тяжелораненых никто не трогал. Несколько пленных под руководством одного из десятников Дайруса копали могилы для убитых наёмников.

Принца Дайруса сейчас интересовало лишь одно: убраться подальше отсюда, пока к врагу не подоспели подкрепления. Самая слышала, как он приказывал капитанам готовиться к выходу в открытое море, чтобы не столкнуться с флотом Айвариха, идущим с юга. Сама девушка не знала, как поступить – уплыть с Дайрусом или остаться в Сканналии. Дим по этому поводу заявил, что лучше остаться тут: в Барундии любят сжигать ведьм. Дим сказал, что если она позволит, он отправится с ней куда угодно, только поможет ли ей его компания? Он слыш-

ком не похож на других. Самая споткнулась об очередного мертвеца и отвлеклась от беспокойных мыслей.

Они с Димом обыскивали трупы в поисках чего-нибудь ценного. Они уже нашли несколько золотых перстней, серебряных и медных монет: Дим мастерски вытаскивал их из кошельков на поясах, из-под кольчуг, из-за пазух, из сапог, из волос и других потайных мест. Этим, впрочем, занимались сейчас все солдаты Дайруса, ещё не погрузившиеся на корабли. Самая предпочла бы держаться от мертвецов подальше, но Дим потащил её на поле боя.

Опустившись возле мертвеца, уткнувшегося лицом в грязь, Самая осторожно подёрнула его за рубаху, выглядывавшую из-под кольчуги. На плаще, край которого был зажат в левой руке трупа, блестела омытая дождём серебряная застёжка с зелёным камнем. Заметив её, Дим протянул руку, дёрнул плащ на себя – рука не отпускала. Самая попыталась разжать кулак – пальцы сжались сильнее. Тело зашевелилось, послышался слабый стон. Дим вынул нож. Самая оторвала застёжку и сунула в руки Дима. Тот задумчиво стоял над раненым с занесённым ножом, потом ногой перевернул его на спину. Совсем мальчик, бледный от потери крови и весь грязный, низ рубахи в крови, помятый сзади шлем валялся рядом, в коротких чёрных волосах запеклась кровь.

– Оставь его, Дим, пожалуйста, – попросила Самая. – Он тебе не мешает.

Тот пожал плечами и позвал её дальше. Самая покачала головой.

– Я останусь тут. Вдруг ему можно помочь?

– Он здесь не помогать, а убивать. Ты, я, принс – всех убивать. А ты хочешь помогать?

Самая рассматривала врага её принца. Он казался её ровесником. У него наверняка есть отец и мать, которые ждут его из похода. Может, и девушка есть – он такой симпатичный, даже под слоем грязи. Лицо по-мальчишески пухленькое. Высокий лоб, прямой нос, красиво очерченные брови и скулы, тонкие губы – особенно верхняя, – сужающееся книзу лицо, чуть выдающийся подбородок. А ещё упрямые, полные боли тёмно-карие глаза... Самая вдруг осознала, что смотрит в эти глаза.

– Кто победил? – его голос был хриплым, едва слышным. – Кто ты такая?

– Я не враг, – прошептала Самая. – Я не причиню вам вреда. Давайте, я помогу.

– Что случилось? Чем кончилась... – незнакомец выплюнул грязь, набившуюся в рот, и скривился от боли.

Самая боялась сообщать ему исход боя. Краем глаза она заметила, как Дим выдернул из правой руки мальчика рукоять меча.

– Принс Дайрус победить, твой принс проиграть, – громко сказал Дим.

– С нами не было принца, он... – Раненый замолчал, с удивлением глядя на взъерошенного, необычного на вид Дима. Лишь потом до него дошёл смысл сказанных слов:

– Дайрус победил?! Он не мог победить! Он ублюдок, его место... я должен был... – он снова закашлялся.

– Не волнуйтесь, принц Дайрус скоро уедет. Вы проиграли битву – не войну, – слова нечаянно вырвались, мальчик уставился на неё как на ненормальную.

– А ты кто?

– Меня зовут Самая, я приехала с принцем.

– Самая? Странное имя.

– Все зовут меня Мая, – она едва сдержалась, чтобы не сказать, что это принц зовёт её так. – А это Дим, мой друг, он приехал издалека.

Дим слегка поклонился, как всегда делал, когда его представляли кому-то.

– Дим, помоги, пожалуйста, перенести его отсюда. Хочу его перевязать, – Дим скорчил недовольную рожу за спиной раненого, обхватил мальчика за грудь и потащил к другим раненым.

Они устроились под кривой одинокой берёзой, положив незнакомца на мокрую траву. Самая разрезала штаны, увидев глубокую рану на левом бедре.

– Эй, Рик, неужто это ты? Принц тебя не прикончил? – крикнул кто-то насмешливо.

Легкораненные сидели неподалёку, напиваясь с горя вместе с недавними врагами. Василь Беззубый, сидевший тут же, злобился на Дима.

– Что, шлюшка королевская, решила себе нового любовничка завести? Одного мало? А я чем тебе не угодил? – Василь не стеснялся в выражениях, добавив пару ругательств. Дим напрягся, Самая и ухом не повела. Она не хотела, чтобы Дим из-за неё вляпался в неприятности. Дайрус далеко, Марик тоже – Дим не выстоит против всех друзей Василя. Самая часто слышала о себе нелицеприятные выражения – одним больше, одним меньше. Она способна спрятать обиду – со временем эта обида забывалась. Ничто не могло быть страшнее того, что она пережила. Она выдержит.

Рик с ненавистью посмотрел ей в глаза:

– Ты любовница Дайруса, этого уроды?

– Он спас мне жизнь и ничего плохого мне не сделал. Я знаю, что он уехал из Сканналии, когда ему было три года. Что он сделал вам?

– Что сделал?! Он явился в мою страну, куда его никто не звал, убил моих друзей, – Рик впервые оглянулся на поле боя, разглядывая тела. Он тяжело дышал. Самая попыталась осмотреть его рану – он оттолкнул её руку.

– Уйди! Без тебя справлюсь!

– Пусть подышает, Мая, раз он так хочет, – послышался высокомерный голос Дайруса. – Этот полутруп ещё будет мне указывать, что делать с тронном моего отца!

– Твой отец убийца, это все знают! На этой земле тебя ждёт только смерть, – с ненавистью выкрикнул Рик. – Жаль, я не прибил тебя в битве!

Дайрус ухмыльнулся:

– Это ты скажи спасибо, что я тебя не добил. Я с детьми воевать не привык.

– Ничего, привыкнешь, как твой проклятый отец!

Дайрус стиснул зубы и потянулся к мечу.

– Да, убей меня, но правду не скроешь! Король Райгард Второй сел на трон, залитый кровью собственного племянника! Сколько Байнару было тогда – десять лет? Наверное твой отец считал его не ребёнком, а препятствием между собой и тронном?

– Мой отец не убийца!

– Вся Сканналия знает правду, ты же ни сном, ни духом? Ты вообще про Байнара слышал?

– Это был несчастный случай, – горячо заявил Дайрус. – Было расследование...

– Ну да, под присмотром твоего отца. Отличное расследование – убийца ищет сам себя!

– Говорят, он и короля Эйварда убил, ещё жену... – выкрикнул кто-то из толпы солдат Айвариха. Остальные одобрительно загудели.

– Это чушь! Никто не имеет права обвинять... – выпалил Дайрус.

– Да любой житель этой страны скажет тебе в лицо то же самое и плюнет, если ты не успеешь его убить! – Рик махнул рукой туда, где лежали раненные. Некоторые люди Айвариха кивали и одобрительно поддакивали Риком, даже наёмники самого Дайруса явно верили им – не принцу. Впрочем, последним было плевать, кого там прибил Райгард двадцать лет назад: им платили не за то, чтобы они сочувствовали убитым племянникам, хоть бы их был десяток.

Рик ткнул пальцем в Дайруса:

– Ты сам подлец и убийца! Ты убил летописца! Думал, это тебе поможет? Чёрта с два! Твои сообщники уже за это заплатили! Вчера их четверговали, теперь твоя очередь. Думал, никто не узнает?

– Летописец? – растерялся Дайрус. – При чём тут летописец? Ты вообще о чём?

– Ваше Высочество, – встрял возникший откуда-то Сильвестр-Монах, – Вы, конечно, помните, что такое Истинная Летопись?

Дайрус медленно кивнул.

– Видимо, этот юноша полагает, будто летописца, что её пишет, приказали убить вы.

– Я не полагаю! Это слышал весь Нортхед! Сама Летопись обличила убийц – они сознались, что их послал ты!

– Под пытками сознались? – с ласковой издёвкой спросил Сильвестр.

– Имена убийц записаны в Летописи, так король Айварих сказал!

– И моё имя там записано? – уточнил Дайрус. Ему явно было не по себе. Самайя не понимала, о чём речь, хотя при упоминании Истинной Летописи в глубинах памяти возникли странные образы и фигуры, которые она постаралась выкинуть из головы. Потом она напишет об этом и попробует разобраться, сейчас не время. Самайя вытянула шею в поисках Дима. Он был незаменим во всём, что касалось ран и болезней. У него в стране умели лечить так, как в Барундии не умел никто, Дим ей не раз рассказывал о чудесах исцеления. Правда, в Барундии ему никто бы не доверил лечения, но именно он помог Самайе, когда она появилась во дворце Дайруса. Сначала она стыдилась говорить с ним об интимных вещах, со временем привыкла. Вот и сейчас она хотела узнать у него, что делать с ранами Рика. Дим, как оказалось, стоял рядом, с любопытством слушая перепалку и не обращая на Самайю ни малейшего внимания.

– Мне всё равно, есть там твоё имя или нет! Это ничего не меняет! В Сканналии все проклинают твоего отца и тебя! – дерзко добавил Рик.

– Батюшка ваш тоже, ваша милость? – эта короткая фраза заставила Рика умолкнуть. Он побелел – не только от потери крови. Говорил мужчина, стоявший рядом с принцем. На нём была потёртая тёмно-синяя куртка, дешёвый шерстяной плащ и порванные сапоги, его широкое лицо с тонкими губами выражало лёгкое презрение. Дайрус сказал Самайе, что именно он принёс сообщение о приближении сил Айвариха. С тех пор он держался рядом с Дайрусом, который расспрашивал его о восстании в Малгарде и других местных новостях. Дайрус удивлённо посмотрел на спутника.

– А мой отец при чём? – выдавил Рик. – Что ты про него знаешь? Ты вообще кто такой?

– Захар из Малгарда я, ваша милость. Вот сбежал оттуда за вами следом, только вы к одному королю отправились, я – к другому. Хорошо вы потешились в Малгарде, навидался я, как забавлялись с детишками ваши друзья. Сколько из них, по-вашему, заслужили погибель? Скольким было меньше десяти лет? – Захар в упор смотрел на Рика. Тот слегка набычился и умолк.

Дайрус не выглядел огорчённым из-за новостей о смерти детей во время восстания, его интересовало другое:

– А что ты там сказал про его отца? Он не верит, что мой отец убил Байнара?

– Ваше Высочество, припоминаете ли вы Ноэля Сиверса? Этот молодец его сын.

– Ноэль? – Дайруса передёрнуло. – Этот подлец? Нищий, который бесчестил знатных девушек, чтобы подняться из грязи?

– Не смей клеветать на моего отца! Он никогда бы такого не сделал! И он не нищий! – взорвался Рик.

– Отцы тех девушек с тобой бы не согласились, – зло усмехнулся Дайрус. Теперь он рассматривал Рика внимательно – сквозь презрение и насмешку Самайя чувствовала интерес. Более того, куда-то ушла агрессия: принц, казалось, передумал убивать Рика. Самайя припомнила слухи и намёки о похождениях самого Дайруса. Интересно, если бы этот Ноэль был знатным или бесчестил бедных девушек, это оскорбило бы принца?

– Кого он обесчестил? Назови имя! – вспыхнул Рик.

– Ты имя матери знаешь?

– При чём тут моя мать?

– Так знаешь или нет? – Дайрус недобро прищурился, пристально глядя на Рика. Солдаты обеих армий открыто усмехались. Самая услышала, как кто-то обозвал Рика бастардом. Похоже, у неё с ним общий не только возраст. Они оба не знали имён матерей. Самая посмотрела на запёкшуюся кровь на подоле рубахи Рика, на свежую кровь, стекавшую на мокрую землю. Рiku нужна помощь, да разве мужчины думают сейчас об этом? Они выясняют, чей отец хуже.

– Не знаешь, стало быть? – Дайрус наклонился к лицу Рика: – Ты знаешь, в какой церкви они венчались? Какой священник их поженил?

– Его папаша хватило только на то, чтобы довести его матушку до постели, до алтаря он не дотерпел! – выкрикнул Василь. Все захохотали.

Рик покраснел:

– Не смей так о них говорить!

– А что ты сделаешь, сопляк?

Рик пытался придумать ответ, но потеря крови дала себя знать – он потерял сознание. Дайрус постоял, задумчиво глядя на Рика.

Самая обернулась к Диму, прошептала просьбу ему на ухо. Дим, окинув взглядом Рика, кивнул и ушёл. Дайрус отошёл в сторону, не заметив, что Самая следует за ним.

– Ноэль... – услышала Самая. – Летопись... Анна...

– Ваше Высочество, – робко произнесла Самая, – я хотела попросить...

– Что? Ты что тут делаешь? Чего привязалась?! Почему ты вечно за мной шляешься?! – он впервые повысил на неё голос, ей показалось, что он сейчас её ударит. Самая попятилась, но взяла себя в руки. Её просьба не могла ждать.

– Ваше Высочество, пожалуйста, позвольте нам с Димом позаботиться о Рике, пока мы не отплыли.

Дайрус стиснул зубы, слегка прикрыв глаза. Самая сжалась. Слова, сказанные Дайрусом, прозвучали неожиданно:

– Я дам вам с Димом позаботиться о нём.

Самая удивилась. Следующие слова принца чуть не заставили её пожалеть о просьбе: – Вы доставите его к отцу, расспросите Сиверса про моего отца, потом пойдёте в Нортхед искать Истинную Летопись.

Выходить в море под вечер Дайрус не хотел, однако глупо ждать, когда гавань заблокирует флот Айвариха. Придётся опять идти в обход: до Птичьего острова, там заpastись водой и оттуда повернуть на юго-восток.

Посадка на корабли заканчивалась. Где-то в летних сумерках осталась Мая. Интересно, увидит ли он её снова? Дайрус в этом сомневался. В самом деле, зачем везти Маю в Барундию, где у неё никого нет? Дим упоминал, что в Нортхеде живут её родные – пусть ищет их. Вряд ли ей удастся узнать, что пишет Летопись о его отце, да и какое ему дело до того, что о нём думают в этой стране? В конце концов, кто силён, у того и трон.

Дайрус теперь отчётливо понимал, насколько малы его силы. Жаль, что Стефан Фангарский мёртв, зато и счёт не предъявит! О том, что правителя Фангарии убили в тот же день, когда Дайрус отплыл в Сканналию, сообщил Захар. Урмас Лодивийский захватил Фангарию почти без боя за три дня. Дайрус не знал, огорчаться этой новости или радоваться, ведь теперь флот можно не возвращать. Нужно набрать новых людей. Нужна куда более мощная армия, нужна поддержка изнутри Сканналии, нужны союзники и деньги. Вот это поможет ему вернуть трон, а не Летопись!

С другой стороны, что он теряет? Мая умеет читать, писать, владеет сканналийским, знает много хроник. Если ей удастся прочесть, что говорила Истинная Летопись о смерти Байнара, смерти короля Эйварда Пятого и об отце, то можно заявить, что Айварих сфабриковал

обвинения, и выдвинуть свои. Отец, отец, кто же ты – убийца Байнара или жертва клеветы? ГиEMON сказал бы, что это неважно, пока ты король, Дайрус предпочёл бы, чтобы смерть Байнара была несчастным случаем. Он всегда воспринимал отца как пример, тётка отзывалась о нём одобрительно, хотя и считала слишком мягким для короля. ГиEMON, когда Маэрина не слышала, не раз пренебрежительно напоминал Дайрусу, что только неудачник мог просрать трон сидевшему в чужой стране почти без гроша Айвариху. Раньше Айварих был приживалкой, теперь вот... стал королём, усмехался ГиEMON. Ну да, а Дайрус стал приживалкой! Дайрус не знал, что ответить, когда ГиEMON под язвительные смешки младшего брата открыто намекал, кем считает племянника. Зато с детства мечтал, что однажды ГиEMON возьмёт свои слова назад – или Дайрус засунет их ему в задницу!

Но для победы Дайрусу понадобится помощь местных баронов. Если они настроены, как этот Рик, то не признают в нём нового короля. Дайрус поёжился, вспоминая, как его называли во время боя. Он уже сомневался, что восстание в Малгарде случилось из-за него. Скорее местный помещик чего-то не поделил с Айварихом. Пусть Мая расспросит Ноэля, раз уж он, судя по словам Захара, не считал короля Райгарда убийцей Байнара. Может, Ноэль и впрямь что-то знает? Не зря же он назвал сына в честь отца Дайруса. Тоже мне, нашёл честь – назвать бастарда именем королей!

В последний раз Дайрус видел Ноэля в Барундии, куда тот бежал после смерти короля Райгарда, а потому помнил его смутно: Ноэль пересказывал маленькому Дайрусу разные истории про Сканналию, учил сканналийскому алфавиту, объяснял, почему нельзя бросать камни в слуг. Дайрус как-то подслушал его разговор с королевой Маэриной – зашла речь об Анне, которую соблазнил Ноэль. Анна приходилась Дайрусу кузиной, её отец Саймеон был младшим братом короля Райгарда. Узнав правду, отец Дайруса упрятал Анну в монастырь, где она умерла, оставив новорожденного бастарда.

Хорошо хоть, он не убил этого Рика – всё-таки племянник, пусть и двоюродный. Мая с Димом о нём позаботятся, доставят к отцу – Дайрус сомневался, что товарищи Рика станут тратить время на тяжелораненого. Дим знаком с лекарским искусством: иноземец дал Дайрусу немало советов относительно разных мелких ран, объясняя это тем, что «в моя страна муссина или хоросо лесить или умирать». Для Рика Дайрус ничего больше сделать не мог.

– Ваше Высочество, пора! – Марик Седой выжидающе смотрел на Дайруса. Он и его люди оставались последними, кто покидал эту землю. Дайрус подождал, когда последний солдат уселся в лодку, и прыгнул туда же. Уже второй раз он бежит из собственной страны! Глядя на удалявшийся берег, Дайрус с удивлением ощутил на глазах слёзы. Это что за ерунда? Ну, подумаешь, неудача – ведь бой он выиграл! Первый в его жизни бой! Придёт время, у него будет сильная армия – с её помощью он вернёт трон отца и смоет грязь с его имени!

Глава 4. Истинная Летопись

Самая придвинулась к костру, пытаясь согреться. Видя, как её знобит, Дим пошуровал в огне палкой и добавил несколько веток. Пламя вспыхнуло, заискрилось в темноте летней ночи – первой ночи, которую Самая проводила без Дайруса.

Тихо шуршали от ветра листья берёз, чьи стволы редкой стеной окружали их лагерь и тонули во мгле. Небо усыпало блёстки звёзд, подмигивавших с высоты – ни одна из них не привлекла внимания Самайи. Она хотела бы спросить у неба, куда идти дальше, но, увы, читать по звёздам не умела.

Вопрос не был праздным: она пообещала Дайрусу повидать отца Рика, тогда как все уговаривали её ехать в Нортхед. Помимо Рика, Сильвестра, Дима и Захара к ним прибились ещё двое: Боб-Следопыт из Нортхеда и Фил Дурошлёт. Монах, пожелавший остаться в Сканналии, выцепил Боба в гавани как отличного проводника, после чего вся компания постаралась убраться подальше от места, где вот-вот появится армия принца Крисфена.

Дайрус снабдил их отличными лошадьми, отобранными у врага, хотя двигались они медленно из-за повозки, на которой лежал Рик. Самая пристроилась рядом с раненым: она не умела ездить верхом. Ночь вынудила их остановиться. Дим разжёл костёр, Самая занялась готовкой. Когда из темноты возник Фил, Самая едва не закричала от страха, но быстро его узнала. Дайрус прозвал его Дурошлёпом из-за привычки вечно болтать не по делу и громко жевать, шлёпая губами. Он был одним из дезертиров. Фил спросил, нельзя ли ему остаться. Дим презрительно сжал губы, Захар кивнул. Боб с любопытством осмотрел новоприбывшего и подвинулся, давая ему место у костра. Фил быстро скрылся в темноте и вскоре вернулся на лошадь – судя по упряжи и седлу, она принадлежала одному из воинов Айвариха.

Рик старался не показывать, как ему плохо, но всем это и так было ясно. Поездка его самочувствия не улучшила: он потерял сознание, в бреду то ругая отца за ложь, то прося у него прощения.

Убедившись, что повязка на бедре в порядке, Самая положила голову Рика себе на колени. Дим принёс плащ, накинул на раненого. Фил заметил что-то вроде «стоит мужику уехать, баба тут же находит другого».

– Не жалеешь, что лишилась покровителя? – развязно спросил он.

Самая не хотела отвечать, за неё ответил Монах:

– По крайней мере, она его не бросила, не то что ты.

– Да больно-то надо лезть в это пекло! Ясно ж было, что кончится либо бегством, либо могилой, разве нет? Вашему Дайрусу ещё повезло: сам-то проиграл, да хоть жив остался.

– Принц выиграл бой, – тихо заметила Самая. – Если бы у него были кони...

– Ну да, кони, люди и тыща пушек, – захохотал Фил. – Нет, дорогуша, тут ему ничего не светило, раз уж король расправился с бунтовщиками.

– Но ты-то сбежал раньше, – вмешался Монах, – принц успел соскучиться по твоим губам-ушлёпкам, – эта шутка вызвала громкий смех. Фил обиделся:

– Дак ежу понятно было, что нифига не выйдет. Сил маловато, что, не так? В былые времена один принц долго шлялся по Лодивии с куда большей армией, но даже махотного городка не захватил.

– Зато захватил короля Лодивии в плен, – припомнил Монах, неплохо знавший историю.

– Ну дак королей много, а страна-то одна. На всех не хватит, верно? У Дайруса не просто силёнок мало, так и командир из него херовый. Одно хорошо – платил вовремя.

– Чего ж ты сбежал? – поинтересовался Монах.

– Ну дак местный я, куда мне вертаться назад? Я ведь так и замыслил, что приплыву да останусь, вот и все дела, – похвастался Фил. – А где бедняку денюжат раздобыть на дорогу до дому?

– Не боишься Дайрусу попасть? – хмуро поинтересовался Боб.

– Куда там, – отмахнулся Фил и причмокнул, – ещё неизвестно, оставят ли вашего принца в живых его кредиторы. Столько бабла на ветер пустил почём зря.

– Принц Дайрус обещал вернуться, – тихо заметила Самайя.

– Да кто ему армию даст, бедному родственнику? Один раз не оправдал доверия, дак откуда теперь деньги брать?

Шёпот Дима резанул девушке по ушам:

– Я думать, принс спасать себя из опасный ловуска.

– Ловушки?

– Я думать, король делать ловуська для принса.

Самайя похолодела:

– С чего ты взял?

– Нет корабли в гавань, нет воины, нет пуски, нет нисего. Так не бывать.

– Но он ведь не ждал принца? Он восстание должен был подавлять. Наверное, туда войско и отправил, – предположила Самайя.

– Тогда он совсем дурак, – гнул своё Дим. – Но он не дурак. ГиEMON считать его осень умный. Он озидать Дайрус, просто ему не везти. Сто-то не слуситься верно. Принс Дайрус осень... как это... ссясливый?

– Везучий?

Дим кивнул. Самайя не хотела верить, но Дим не ошибался. А если это и впрямь была ловушка? Вдруг они в неё попадут? Самайя стиснула пальцы – тут же послышался вопль Рика. Оказывается, её ногти буквально впились в его шею. Она отдернула руки, слушая проклятия раненого. Он пришёл в себя и хотел встать – Дим силой уложил его обратно на колени Самайи.

– Эй, малец, не докучай нам! Хочешь Богу душу отдать, делай это молча! – прикрикнул Захар на мальчишку. Тот притих. Несмотря на то, что Захар явно происходил из низов общества, было в нём что-то авторитетное, да и по возрасту он Рика в деды годился – ему было около пятидесяти. Его слушались все.

– Слушайте, – обратился Фил то ли к Захару, то ли к Бобу. – А что за хрень насчёт убийства летописца? В гавани ходили слухи, что это Дайрус его шлёпнул. Как думаете, правда?

Боб, чьё выражение лица было трудно разглядеть из-за густой длинной бороды и усов, буркнул:

– Може, правда. Токма в Нортхеде о том не балакай. Головы лишишься, навроде некоторых.

– Каких-таких некоторых?

– Да убивцев тех. На куски их порубили.

– А это точно они самые?

– Так кажет Летопись.

– Откуда ей знать, кто там кого кокнул? Не сам же этот летописец туда вписал имена своих убийц?

– Летописец ничего не вписывает, он переписывает то, что сообщает ему Летопись, – вмешался Захар.

Рик и Дим с интересом прислушивались к разговору.

– А что это вообще за Истинная Летопись? – негромко спросил Рик Захара. – Я что-то слышал, но не думал, что это правда. Король Айварих сказал, что она теперь во дворце... – Рик осёкся.

Захар кивнул на Боба:

– Вот он видал, как её переносили. Небось, король летописца нового назначил, ежели имена убийц там узрел?

Рик нехотя кивнул:

– Откуда ты столько знаешь?

– Все знают, да не все веруют, али позабыли уже. Вестимо, кое-кто постарался ради этого. Но предания живут по сию пору, ибо истина сокрыта глубже знания и веры.

– А ты не расскажешь? – попросил Рик неуверенно.

Самая тоже хотела послушать: упоминание о таинственной Летописи будоражило душу, голова гудела от какофонии голосов и странных теней. Что-то коснулось её, но и это была тень – тень Дима рядом.

Захар оглянулся на тёмные верхушки деревьев, поворошил костёр.

– Сказывают, давным-давно Нейского перешейка не было в помине, канала тоже. Нельзя было понять, где кончалась Барундия и начиналась Сканналия. То была одна земля, и народ на ней обитал один – сканты. Они были язычниками, повсюду стояли их алтари да священные дубовые рощи. У нас роща была на Волаге, другое святилище они воздвигли на месте Волхидской площади в Нортхеде. Богов у скантов двенадцать, ещё дети богов, многие разные существа навроде леших, оборотней и водяных. Жрецами скантов были волхиды, это, скажу я вам, люди были особенные. Чародейство, алхимия, предсказания – всё как положено. Они владели такими познаниями, что короли порой отдавали им целые состояния. Ну, вестимо, в ту пору королей-то и не было. Были вожди, чьи дружины враждовали друг с другом. Вожди завлекали волхидов: те славились умением колдовать, лечить смертельные раны да вещать о грядущем. Знания волхиды передавали друг другу из уст в уста, обучение шло в глухих лесах или глубоких пещерах в горах. Учение отнимало долгие годы, волхиды высоко ценили себя и сами решали, оставаться ли с вождём. Иначе – ищи ветра в поле.

И вот однажды волхид по имени Девин явился к вождю Свенейву Победителю. То есть это он опосля стал Победителем, а в ту пору был одним из многих скантских вождей – не сказать чтоб шибко сильным. Как любой вождь, Свенейв мечтал видеть вокруг поменьше вождей и побольше холопов, но у многих вождей имелись волшебные вещицы, супротив которых не попрёшь: у одного меч-кладенец, у другого лук бил без промаха, третий владел камнем судьбы, четвёртый не боялся никаких ран. Поговаривают, это всё пришло от богов, поелику при всех этих вождях жили волхиды, все же волхиды – потомки богов.

Свенейв попросил Девина отыскать способ узнавать, что делают другие вожди. Девин подумал-подумал да и согласился. Он отправился в загробное царство бога Селевруна, где заколдовал для Свенейва листок пергамента. Селеврун потребовал в обмен отдать ему Иштирию, Свенейв согласился: там всё равно сплошь горы да снега. Селеврун магией прочертил на земле глубокую линию от моря до моря, с тех пор она так и обзывается – Черта. Она не пропадала даже после ливней. Взамен Свенейв получил волшебный пергамент.

– Это была Истинная Летопись? – с любопытством спросил Рик.

– Можно и так сказать. Стоило записать имя любого человека, как пергамент сообщал, где он и что делает. Любой враг как на ладони пред тобой. Свенейв пришёл в восторг. Однако не всё оказалось так просто. Летопись писала кровью того, кто задавал вопрос, такова была плата за её услугу.

– Но ведь можно заставить писать слугу? – спросил Сильвестр.

– Да, – Фил причмокнул губами. – Какой вождь захочет проливать кровь вместо чернил?

– Тот, кто не желает делиться знанием. Свенейв берёт волшебный пергамент, никому его не показывал, тем паче читать по нему мог лишь тот, у кого в жилах текла кровь Свенейва. Так устроил Девин, ибо Свенейв боялся, как бы подарок бога не использовали против него самого.

Годы шли, Свенейв завоёвывал всё больше земель. Он ведал, где какой вождь живёт, куда идёт в поход, кто его враги, чем он болен, где хранит золото...

– Даже о чём он треплется ночью во сне? – передразнил Фил.

– Нет, – серьёзно возразил Захар. – Летопись отображала поступки с письменами, а вот слова и думы не могла.

– Почему? – спросила Самайя.

– Они слишком быстры. Их нельзя уловить и удержать. Летопись показывает лишь то, что происходит ровно в этот миг, – Захар зевнул.

– Ну и как? Свенейв победил всех? – жадно спросил Рик, испугавшись, что Захар ляжет спать.

– Вестимо. Он овладел многими волшебными вещами. Их невозможно было спрятать. Стоило Свенейву спросить у Летописи, где находится, к примеру, меч-кладенец, он получал подробнейший ответ. Оставалось собрать отряд головорезов – и в путь. Свенейв покорял племя за племенем, он знал столько тайн, что его считали чародеем и прозвали Победителем. Свенейв назвал себя князем, выстроил роскошный деревянный терем с оградой. Черту Свенейв охранял ретиво: за попытку пересечь её ради охоты, к примеру, людей ловили и казнили. Лес в тех местах заповили охотники за головами: Свенейв платил им щедро. Все деревни по ту сторону Черты сожгли, их жителей либо перебили, либо они бежали на юг. Иштирия обезлюдела, стала покрываться снегом даже летом, люди начали чураться тех мест. Они верили, что Селеврун обосновался именно там.

– Баили, коль задул северный ветер, то Селеврун гневается, что уговор нарушен, – припомнил Боб, – а ветер тот нёс неурожаи да холод, вот Свенейв слово и держал.

– Не то чтобы Свенейв был плохим правителем, – продолжал Захар. – Он не казнил зазря, судил верно благодаря Летописи, простые люди его почитали богом и любили, ибо он не отнимал последнее. Он много торговал, при нём возводили новые святилища. Его земли простирались далёко, даже Летопись не могла описать, что творится на окраинах. Он так свыкся с победами, что забылся и как-то раз попросил её поведать обо всех доходах подданных, чтоб назначить им подати по справедливости. Летопись стала всё перечислять, Свенейв уснул от скуки, да и не проснулся боле. Летопись выпила всю его кровь.

В темноте слова Захара звучали зловеще, даже Фил прикусил язык. Дим словно застыл с закрытыми глазами – он так сидел с самого начала рассказа: то ли слушал, то ли спал. Самайя прислушивалась к звукам леса – они были обычные, живые: уханье филина, волчий вой, журчание воды в ручье, шелест листвы, потрескивание горящего дерева, завывание ветра где-то в вышине. Самайя хотела услышать продолжение, потому что по мере рассказа в памяти зашевелились смутные образы.

– Об этом я не слышал, – озадаченно сообщил Рик. – Помню, что Свенейв получил Летопись, использовал её, чтобы покорить других вождей, про его смерть в той сказке точно ни слова не было.

– Это понятно, – кивнул Сильвестр. – Сказания и легенды живут своей жизнью; от того, в чьих устах они звучат, зависит многое. Прочти-ка пяток хроник о любом событии – не сразу разберёшь, что они пишут об одном и том же.

– Да, – согласился Захар. – Многого забыто, многое поменялось за века, в иных семьях предания хранятся и передаются в целости, другие родители не всё говорят детям. Верно, твой отец не хотел пугать тебя на ночь страшной сказкой.

Рик надулся. Он явно не хотел говорить об отце.

– У Свенейва было четверо сыновей, – продолжил Захар. – Третий сын по имени Иригор умертвил двух старших братьев раньше, чем остыл труп отца, и забрал Летопись. Пощадил он только трёхлетнего Дарена, чтобы избежать участи Свенейва. Этого Дарена Иригор посадил в темницу и не выпускал наружу, на службу звал не родичей, которых вскоре почти не осталось, а разный сброд. Иригор искал заговоры и предательство повсюду; поскольку Летопись не ведала, о чём толкуют люди промеж собой, он наводнил страну соглядатаями да палачами. Хватали

любого, кто покажется подозрительным. Иригор столь рьяно выискивал врагов, что убил жену, сыновей, дочерей; только Дарен остался, ибо ни с кем не общался, никуда не выходил. Иригор страшно боялся волшебников и расправлялся с волхидами. Незнамо как, однажды его нашли умершим, подросший Дарен занял его место. Летопись он читал мало, после темницы предпочитал забавы да потехи – страной правил волхид по имени Лоулах. Его прозвали Бардом из-за того, что Дарен услышал на очередной попойке его песни и так восхитился, что сделал придворным певцом, опосля смотрителем над двором, а там вовсе поручил ему все заботы и занялся утехами. Лоулах поправил дела государства, остановил казни волхидов, при этом он обходился без Летописи, зато Дарен нашёл ей место в своих забавах.

– Он использовал волшебную вещь для развлечений? – недоверчиво спросил Рик. – Почему?

– Потому что корона на челе не сделает из тебя правителя. Дарен не хотел править, желал только...

– Трахать баб, жрать да спать. И снова трахать – у него наложниц было без счёта, – беззастенчиво вставил Фил. – Это при нём право первой ночи стало так популярно. Ха, да он помещался на этом, такие... м... способы выдумывал, хоть отдельную летопись пиши! Я б почитал с удовольствием, – ухмыльнулся он. – Жаль, читать не умею.

– Не в том суть, – Захару явно не нравилась тема разговора. – Одни по книгам постигают историю, астрономию, математику, науку войны или науку управления страной, он же по ночам просил Летопись поведать о том, как...

– Как, в каких позах, какими способами, – подхватил Фил и подмигнул: – Полезная наука, между прочим, правда?

– Дарен к тому времени натешился свободой, заскучал, вот и заинтересовался, как это делают другие. Он писал чьё-то имя и ночь напролёт со всеми подробностями читал, что делает избранник. Свадьбы любил, принуждал подданных жениться или выходить замуж почаще. Развестись всем дозволял при условии, что сразу новая свадьба. Стоило Дарену узреть нечто небывалое, он это пробовал сам; ежели ему не нравилось, мог должности лишить неугодного или обсмеять при всех. Иногда вынуждал кого-то прилюдно повторить ночные утехы. Скоро Дарен почти перестал вылезать из опочивальни – вместо живых людей общался с Летописью.

– Он не помер от потери крови? – удивился Сильвестр.

– Он быстро смекнул, что может использовать своих бесчисленных бастардов, держал их поблизости. Даже слова писать обучил.

– Представляю, как его любили, – скривился Рик. – Надеюсь, он плохо кончил. Про него я никогда не слышал.

– Он кончил по полной, уж будь уверен, – хихикнул Фил. – В погоне за наслаждением удушил себя напрочь, представляешь? Понятия не имею, чего он там вычитал, да вот опыт у него не задался. Когда его нашли, он был твёрже собственного хрена.

– Летопись лежала на постели подле тела, – продолжал Захар. – Несколько человек нашли труп и решили избавиться от дальнейших унижений. Сжечь они хотели пергамент али порвать, не ведаю; кончилось тем, что меч-кладенец, спрятанный Свенеивом, возник в воздухе и изрубил на куски всех.

Лоулах стал соправителем при сыне Дарена Свамире. Когда тот подрос, посадил юношу в темницу, где держал десять лет. Изредка он заставлял Свамира читать Летопись, хотя вообще-то Лоулах её не жаловал, зато волшебный меч держал при себе. Постепенно волхиды осерчали на Лоулаха: издревле повелось так, что промеж собой они все равны, как потомки богов, а он почитал себя кем-то навроде верховного жреца. Лоулах требовал с волхидов подати, хотел заставить их служить в его войске, чего не было испокон веков. Он выбирал, каким богам служить, каким нет. Так их пути разошлись.

Волхиды решили вернуть трон Свамиру, Лоулах об этом прознал и замыслил убить последнего потомка Свенейва. Он с волшебным мечом спустился в темницу, попросил Свамира почитать Летопись, зашёл сзади и поднял меч. Заговорщики, следившие за Лоулахом, ворвались в подвал. Свамир их заметил, оглянулся на Лоулаха и увидел, что над ним занесён меч. От испуга он прикрыл чело рукой с пергаментом. Чуть только лезвие коснулось его, меч запылал аки факел. Металл плавился, обжигая руки Лоулаха. Правитель бросился к двери, но заговорщики зарезали его на месте. Свамир стал княжить, вернул волхидам их права, дал много новых. С той поры повелось, что власть князя и жрецов сравнялась. Летопись трогали редко, в основном при решении споров и поиске преступников. В некоторых странах правоту доказывали мечом или словом, в Сканналии повелось спрашивать Летопись.

Потомки Свамира правили кто лучше, кто хуже, в Сканналии всё худо-бедно успокоилось, лишь изредка князья искали подспорья у Летописи. Так, Негобор избрал себе невесту из сотни девиц, прочтя, чем занимается каждая из них. Самую скромную он взял в жёны, самых развратных сделал любовницами. Другой, Ярем, при поддержке жрецов изгнал старшего брата Эдмира, который грамоту не разумел. Эдмир разобиделся – замыслил не только брата убить, но и Летопись уничтожить, а посему похитил волшебный лук со стрелами. В день поминания предков Эдмир затаился на кладбище, поджидая брата. Он знал, что магический пергамент Ярем таскал с собой за поясом под кольчугой, и целил именно туда. Волшебная стрела ударила в цель, пробив кольчугу, да отскочила и упала на землю. Эдмир в тот же миг увидел, что в его руках обычный старый лук с прогнившей тетивой. Из него ушла вся сила, вся магия. Эдмира тут же обезглавили, Ярема прозвали Неуязвимым.

– Это что ж получается, – поразился Сильвестр, – этот ваш листок пергамента уничтожал магические предметы?

– Он забирал магию, как забирал кровь, – подтвердил Захар.

– Сколько ещё предметов он уничтожил?

– Все до единого.

– Я помню сказку про алхимика, – встрял Рик. – Про то, как великий алхимик по имени Санмар изобрёл зелье, одурманил им жену князя Хороса, стал её любовником, а самого князя опоил сонным зельем. Однажды Санмар нашёл Летопись и решил от неё избавиться, чтобы князь не узнал правды. Он сделал зелье, которое сворачивает кровь, чтобы облить им пергамент. Он использовал для зелья кровь младенцев, чьи трупы потом приносил на костре в жертву богу огня и молний Таркуруну...

– Это ты от отца услышал? – прищурился Захар.

– Нет, от приятеля, – неохотно поделился Рик.

– Да уж, чего не насочиняют пацаны по ночам, – хмыкнул Фил. – Волхиды Таркуруну не поклонялись, чтоб ты знал. У них был свой бог, двуликий Белчерог, понял? А уж про младенцев чушь собачья, точно говорю. Впрочем, в твоём возрасте я тоже такие страшилки любил.

Рик смутился. Монах спросил:

– А что в итоге-то? Что там было?

– Про то никому не ведомо! – оборвал Захар. – Сказывали, Санмар кинул Летопись в огонь, но она не сгорела. Он сотворил зелье с кровью князя – Санмар часто отворял ему кровь, поелику был ещё и лекарем. Санмар усыпил князя с его супругой, выкрал Летопись и бросил в зелье, чтобы кровь боролась с кровью. Зелье вскипело, вылилось в огонь – тот взвился до небес. Пламя спалило и Санмара, и князя, и его жену. С той поры князья страшились лишний раз приблизиться к Летописи.

Захар умолк, уставившись на какую-то звезду, словно припоминая давние события. Дим приоткрыл один глаз, который пристально наблюдал за сказителем.

– В моя страна когда-то тозе была такая весель, – заявил он, – но она пропадать.

– А почему сейчас про Летопись мало кто помнит? – не выдержал Рик.

– Времена поменялись, северный ветер заглушили ветра с юга, – загадочно сказал Захар.

– В моя страна такой время звать время перемен, – снова послышался голос Дима.

– Да, с юга в Сканналию пришли перемены. Древняя вера скантов превратилась в ересь, за неё жгли на кострах, резали без жалости, – голос Захара стал приглушённым, печальным и тихим. – Валамир убил старшего брата Полияра, сосватал его жену, усыновил сына Свирега и взялся укреплять власть. Когда жена померла, Валамир пожелал жениться вновь. В ту пору в Сканналии жило много эктариан, даже мать Валамира приняла веру в единого Бога и чтит Декамартион. Сам Валамир до смерти отца был его наместником на юге, где ныне Нугардская область и граница с Барундией – там новая вера укоренилась крепко. Вскорости Валамир нашёл невесту – дочь барундийского короля. Условием для женитьбы король Барундии выставил принятие эктарианства. Валамир долго решал и таки внял зову принять новую веру. Идолы скантских богов вышвыривали на улицу, священные рощи вырубали, на месте алтарей предков потомки ставили храмы нового бога. Волхидов нещадно уничтожали, для чего Валамир без смущения пользовался их Летописью. Но чем большим эктарианином становился Валамир, тем больше жаждал он уничтожить Летопись...

– Потому что она языческая? – спросила Самаяя.

– Не только. Он помнил судьбу сыновей Свенейва и не хотел, чтобы его собственные сыновья – их тоже было четверо, считая Свирега, – перебили друг друга. Валамир не решился тронуть Летопись, задумав её схоронить. Он спустился в подвал, заложил её камнями и замуравил наглухо вход в подвал. Скоро жить во дворце ему показалось неудобно, ему чудилось, что магия Летописи сводит его с ума. Валамир не выдержал – поджёг хоромы. Стены деревянного дворца сгорели дотла, отыскать ход в подвал стало невозможно. Валамир занял дом убитого брата – он стоял рядом на берегу Истры. Дворец Полияра, выстроенный самим Свенейвом, и все постройки в округе, кроме пожарища, за несколько лет обнесли толстой каменной стеной; на месте сгнувшегося дворца образовалось кладбище. Валамир всех уверял, что стена защитит от горцев, которые тогда нападали постоянно; на самом деле он боялся нападения из Иштирии, боялся Летописи, похороненной за стеной.

Волхиды взбунтовались против Валамира, однако у него на юге хватало сторонников, север же всегда был безлюдным. Валамир победил, идолы повсюду сменились ликами сына Божьего Зарии и его смертной матери Миры. Их изображали на иконах, на картинах и на пластинках, что эктариане носят на струне, висящей вокруг шеи. Валамир стал величать себя королём, утверждал, что его власть божественна. «Власть идёт от Бога», так он молвил. Этот девиз взял его сын Ярвис. Всё бы ничего, да древняя магия оказалась сильнее.

Рик, воспитанный примерным эктарианином, нахмурился. Валамир принёс в Сканналию веру в единого Бога, но впервые Рик задумался о том, что отец, мать, дети Валамира, да и сам он были когда-то язычниками. Рик прикинул, смог бы он отказаться от нынешней веры ради чего-то нового? Эта крамольная мысль заставила его поёжиться – он её отогнал. Вряд ли он окажется на месте Валамира.

– Валамир правил двадцать лет, – голос Захара теперь казался мрачным, – но чем краше становился Нортхед, тем хуже жила страна.

– Он был плохим королём? – спросил Рик.

– Не в том дело. Просто есть силы, неподвластные королям. Поначалу перемен не замечали, зато к концу царствования Валамира Сканналию всё чаще заливали ливни, урожаи гибли от засух, болезни выкашивали деревни и города, зимы были такими студёными, что люди замерзали насмерть. Начались землетрясения – Летопись пыталась вырваться из плена. Земли на границе Сканналии и Иштирии уходили под воду, отгораживая царство древних богов от царства людей. Однажды остался лишь узкий перешеек, где едва умещалось зажатое горами русло Марваги. Марвага тоже стала иной. В былые времена её воды неслись на юг – отныне

они от истока направлялись на север, да ещё и под землёй; только у Черты река вырывалась из скал и текла в Иштирию.

Прежде мореходы огибали Сканналию с Иштирией по морю, плавая летом из Лодивии в Шагурию и обратно – теперь на их пути встали льды, скалы, течения, ветры и туманы, которые до сих пор никто не преодолел. Страну охватил ужас. Вулканы извергались, закупоривая шахты лавой, сжигая горные поселения; горячие воды прорывались среди сельских полей и городских площадей – люди варились заживо; море накатывало на берег, заливая посевы, деревни и города. Летопись мстила за то, что её похоронили заживо, – Захар говорил вдохновенно, словно пел давно заученную, но от этого не менее страшную песнь.

– Никто не ведал, что творится, начались бунты, люди уверовали, будто невзгоды насылают старые боги. Дабы вновь обрести их милость, напуганные люди убивали и приносили в жертву эктариан. Даже в Нугарде появилось много противников Валамира. Сыновья Валамира разодрались меж собой. Старшие Свирег и Хослав против Ярвиса и Рагмира. Свирег хотел вернуть прежние порядки, Ярвис выступал за эктарианство. Братьев объединяло одно: они осмелились воспротивиться отцу. Свирег сидел в Малгарде – его Валамир вероломно схватил и швырнул в темницу. Валамир отправил бы туда и Ярвиса, да не успел. Когда-то на севере был город Дингард с прекрасной гаванью, оттуда Валамир хотел плыть в Нугард, где правил Ярвис. Король явился в Дингард, чтобы заночевать и наутро отплыть – к утру город сгинул в пучине волн вместе со всеми обитателями, Валамиром и изрядным клочком земли. Напуганные жители Нортхеда освободили Свирега, умоляли его умиловить богов, вернуть стране процветание. Свирег поклялся вернуть веру отцов, но и Ярвис времени не терял: договорился с Барундией, набрал рать и изгнал Свирега из Сканналии. Свирег укрылся в Шагурии. Он взял в жёны младшую дочь короля, у него родился сын – предок короля Айвариха. Два года спустя Шагурия дала Свирегу войско. Война между Свирегом и Ярвисом длилась целый год, остальные братья погибли. Победил Ярвис, о Свиреге никто боле ни разу не слыхивал.

Захар вытащил флягу, отхлебнул из неё. Видно было, что он не привык говорить так много.

– Вестимо, беды Сканналии не окончились, на юге тоже начались землетрясения, образовывался Нейский разлом. Много деревень сгнуло в нём, огромный град Тесис погиб: разлом прорезал его посередке. Многие бежали кто в Барундию, кто в Шагурию, некоторые – аж на север, в земли Иштирии. Никто не ведаёт, что с ними случилось.

Ярвис чувал, что трон ему не удержать. Однажды явился к нему человек по имени Вирм и заявил, что Летопись нужно вызволить из плена, ибо все невзгоды оттого, что она ищет выход. Ярвис сам пытался найти её, когда воевал с братьями, но безуспешно, и вот он заключил договор с Вирмом.

Вирм разыскал остатки дворца, на месте которого выросло кладбище, и откопал Летопись из-под развалин. Люди Ярвиса днём и ночью надзирали за работой. Несколько священников да юродивых слонялись по округе, требовали не тревожить покой мёртвых, угрожая божьей карой, если Летопись найдут. Когда Вирм нашёл пергамент, взять его в руки смог один Ярвис. Тогда собрались на совет Ярвис, тогдашний доминиарх и Вирм. Доминиарх потребовал уничтожить пергамент. Он обрызгал его святой водой, затвердил молитву, однако вода обратилась в кислоту, брызги полетели в лицо доминиарха и выжгли ему глаза. Вирм с Ярвисом заспорили, как быть с Летописью, спор продолжался много дней. Вскоре Ярвис заметил, что ничего не меняется. Разлом на юге расширялся, Сканналия почти превратилась в остров, невзгоды не прекращались. Тогда Ярвис по совету Вирма окропил Летопись кровью. Пергамент засветился, буквы повыскакивали как грибы после дождя. Вдруг ливень за окном прекратился, туча над замком Ярвиса рассеялась, появилось солнце. Летопись писала, пока Ярвис не ослаб от потери крови. Наверное, тогда он пожалел, что все братья мертвы. Хуже того, в Сканналии не осталось ни единого потомка Свенеява, помимо сына Ярвиса. Чудится мне, в тот день Ярвису

пришлось туго. Он владел языческой вещью, которую ни уничтожить, ни схоронить. К тому же Летопись перестала отвечать на вопросы, просто рассказывала, что считала нужным. Как знать, долгий плен так повлиял, или её сила выросла, но она прекратила служить королям и их честолюбию. Как Ярвис, верно, разочаровался: ни сведений не собрать, ни уничтожить! Его терзал страх перед верой предков.

– Да брось! – прервал Фил Дурошлэп. Все вздрогнули. – Жадность и страх потерять трон его терзали. Хотел и рыбку съесть и... кое-куда сесть. А ведь сумел, чёртов мерзавец, и Летопись прибрать к рукам, и с попами не посориться. Ну дак, умный был, сволочь, прапра-уж-не-знаю-сколько-прадед нашего Дайруса. Не то что его праправнук.

– Что, не жалуешь бывшего начальника? – презрительно усмехнулся Рик.

– Да уж ваш Айварих поумнее будет, – легко подтвердил Фил. – Но зато Дайрус молод и горяч, будущий тесть у него не глупее Айвариха, тёща та ещё мегера...

– А говорил, принцессы ему не видать, – напомнил Боб.

– Коль он такой везучий, как Дим утверждает, то фиг его знает, может и выйдет чего, особливо если он Летопись к рукам приберёт.

– А откуда летописец взялся? Чья кровь пишет Летопись сейчас? – спросил Рик.

– Кровь Огня... – вырвалось у Самайи. Она удивлённо посмотрела вокруг, словно искала того, кто ей это подсказал. Все молчали.

– Да, – наконец заговорил Захар, – когда-то их так называли. Чернила из сажи и кипящего отвара коры священного дуба, куда добавлялась капля крови Свенейва, брошенная в огонь. Впервые их изготовили при Ярвисе: он не хотел рисковать жизнью по прихоти Летописи. Он боялся повторить судьбу Свенейва и расстаться с магической вещью не желал, хотя Вирм предлагал провести обряд, оборвать связь Летописи с потомством Свенейва и унести её из Сканналии. Ярвис отказался – Вирм пропал. Позже к Ярвису явился старик с белыми глазами и волосами, от которых пахло зимой. Он назвался Армагом – предания гласят, то был сам Девин.

– Тот, что изобрёл Летопись? – вмешался Рик. – Сколько ж ему лет было?

– Великие волшебники бессмертны. Ежели тело почило, дух воскресает в новом теле. Да и кто, помимо него, мог бы сделать то, что он сделал?

– А что?

– Вы, молодой господин, слишком торопливы, – устало заметил Захар Рик. – Ярвис с Армагом начали переговоры. Долго ли, коротко ли, сошлись на том, что Летопись останется в Сканналии, но храниться будет подле Черты, а не в столичных хоромах Ярвиса. Черта по-прежнему под запретом. Взамен Армаг согласился поколдовать над Летописью. Ярвис боялся писать её сам, тем паче он понимал, что повелевать ею не сможет. Придумал он вот что...

Захар снова замолчал, Рик засопел от нетерпения. Самайя чувствовала, что и Дим напрягся. Неожиданными для неё стали собственные ощущения: она почти видела этот пергамент перед глазами, она почти знала, что сделал Ярвис, она почти чувствовала магию, исходящую от Армага. Рассказ Захара словно пробудил её от спячки. Что она видит сейчас – сон или явь? Мутные тени или обрывки сна, воспоминания или знания из её неведомого прошлого будоражат воображение? Она не знала. Захар продолжал:

– Ярвис был человек умный, образованный, зело законы любил – от него нам достался первый записанный свод законов Сканналии. Там даже сказано, что Истинной Летописи даётся право молвить последнее слово при суде над кем-то. Правда, этим давным-давно никто не пользуется.

Так вот, Ярвис поразмыслил и придумал, что нужен летописец, который будет служить только королю, хранить его тайны, записывать всё, что расскажет Летопись. К пергаменту добавилась обложка с застёжкой, Армаг изобрёл чернила Кровь Огня, Ярвис продумал магическую клятву для летописца. Претендент писал на волшебном листке слова клятвы, Летопись отвечала, принимает она этого человека или считает лжецом и отвергает. Ежели Летопись прини-

мала клятву, то давшему её пути назад не было: нарушив её, летописец умирал. Таково было условие Ярвиса – Армаг его выполнил. Дюжине летописцев это стоило жизни.

– Но зачем они нарушили клятву? – с негодованием спросил Рик.

Захар тяжёлым взглядом обвёл присутствующих, остановившись на Рике.

– Не всякую клятву можно исполнить. Много монахов избирают свою стезю – немногие из них проходят этот путь до конца, ибо он тернист и суров.

– Да уж, один целибат чего стоит, – передёрнул плечами Фил. – Никогда не понимал кретинов, отказывающих себе в радостях жизни.

– Летописец – тот же монах, но он не может забыть о клятвах, не может испросить помощи в очищении греховной души на исповеди, не может обмануть того, кому дал клятву. Летопись не ведаёт ни понимания, ни жалости.

– А почему нужен целибат? – спросил Рик.

– Не в нём дело... – Захар задумался. – Клятва содержала три условия: верой и правдой служить королю из рода Свенейва, честно переписывать Истинную Летопись, третье условие – летописец не должен сам творить историю. Летопись пишет историю страны, королей, самозванцев, да хоть потаскухи какого-нибудь барона, однако на её страницы не должно попасть имя летописца. Вот это исполнить оказалось многим не под силу, понеже даже самый маленький человек связан с другими. Ученик повара отравит королеву, крестьянка родит сына королю, король упадёт с лошади и расшибётся по вине жалкого конюха – из таких событий творится летопись. Летописцы мёрли, ибо не ведали этого. Они жили по привычке, умирая по неосторожности, их супруги и отпрыски совершали поступки – имя мужа и отца появлялось в Летописи. Любая безделица могла стать роковой. Тяжко жить среди людей и не быть одним из них.

Самая ощущала холод во всём теле. Она не знала, почему древний обряд так её волнует. Рик казался озадаченным:

– Зачем Ярвис поставил это условие? Летописец клянётся служить королю, разве мало?

– Летописец владел огромным знанием, – ответил Захар. – Все секреты Сканналии перед ним как на ладони. Ну как он соблазнится вымогательством? Не короля – любого другого! Свирег вот не пойми куда делся – а ежели он вернётся? Кому будет верен летописец? Опять же, летописца могут похитить, подвергнуть пыткам. Он вряд ли выдержит, а так не успеет он проболтаться, как тут же помрёт.

– Иль он по дурости спасёт кого-нибудь, кого король не хочет видеть среди живых, ясно? – подмигнул Фил.

– Так возник обряд, появился летописец и вместо крови стали использовать чернила. По уговору между Ярвисом и Армагом у Черты срубили дом для летописца – заколдованное место было, там рос единственный оставшийся в Сканналии священный дуб. Армаг объявил, что тут Истинная Летопись будет хранить покой не только Сканналии, но и Иштирии, никто не сможет её похитить, ибо один лишь летописец способен взять её в руки.

Вскоре про Летопись начали забывать. Черпать из неё нужные сведения стало непросто, разве что она сама ими делилась. Правителям больше пользы приносили донесения шпионов. Летопись сделалась ненужной.

Поначалу летописцы жили привычной жизнью, как я говорил, однако после ряда смертей король Эйвард Первый велел летописцу не появляться в Нортхеде, жителям Сканналии строго-настрого запретили бывать в тех краях. Эйвард создал Лесную Стражу из охотников за головами и бывших воинов. Их задачей было убивать любого, кто проберётся в лес у Черты. Охоту на зверей там запретили. А потом свершилось удивительно чудо, – голос Захара смягчился:

– Возникла Черта. Не борозда на границе Сканналии и Иштирии, а преграда между миром мёртвых и живых. Нигде в других краях о таком явлении слыхом не слыхивали. Заместо борозды появилась стена густого, холодного тумана, укрывшая Иштирию от любопытных

взоров. Проникнуть за эту завесу не всем хватало сил, эти смельчаки никогда не возвращались. К нам Черта пускает один лишь северный ветер, так сказывают. С тех пор Иштирию прозвали Страной Ледяного Тумана.

Шли годы, летописец жил вдали от людей, не женился, не имел любовниц – вообще будто не существовал. Еду и другие припасы ему отвозили лесные стражи, записанные им рукописные книги доставляли во дворец. Многие короли, сев на трон, не сразу вспоминали про Летопись. Церковники тоже старались, чтобы в ней не возникало нужды. Они хранили покой короля, уничтожая любого, кто поминал богов скантов. Они заместили праздники скантов своими, на месте их алтарей поставили церкви и постарались стереть из памяти людской легенды о тех временах.

Короли, в общем-то, прекрасно обходились без Летописи, ведь многие сведения она не могла или не хотела дать. У правителей хватало шпионов, доносчиков и палачей, чтобы добывать нужную правду, посему книги, начертанные летописцами, частенько оставались непрочитанными. К тому же Летопись сообщала о том, что происходит в Сканналии в данный момент. Айварих, к примеру, узнал о походе Дайруса задолго до его высадки в Северной гавани, а Летопись была бы бессильна. Опять же, церковники постоянно внушали королям, что Летопись вещь бесовская. Тут много ещё всякого можно сказать, но, думаю, суть ясна, – закончил Захар.

Все какое-то время молчали, даже Рик и Фил. Самая пыталась уловить странные образы, которые возникали в голове, но безуспешно. Рик вдруг спросил:

– А имя моей матери она могла указать?

– Про то мне неизвестно, – пожал плечами Захар.

– Може, твой батя не зря помалкивает, – добавил Боб.

– Он не имеет права решать за меня, я не ребёнок! Я-то верил, что мама просто была бедная, он стыдился этого... Если он поступил с ней подло, то...

– Вот и потолкуй с ним как взрослый. Всё лучше, чем Летопись поминать, – посоветовал Захар.

– Не хочу с ним говорить!

– А Мая хочет.

– Мая? – удивился Рик.

– Принц Дайрус просил меня поговорить с ним про короля Райгарда... – упрямо сказала Самая.

– Да чушь всё это! Все знают, что Байнара убил он!

– Откуда знают? – спросил Сильвестр.

– Да сколько я слышал от многих, кто тогда жил, и в хрониках написано...

– А если в хронике напишут, что король Айварих выиграл вчерашний бой, – усмехнулся Сильвестр, – вы этому поверите?

– Что? – удивился Рик. – При чём тут бой?

– При том, что не всегда стоит верить даже собственным глазам, что уж говорить о чужих. Правда у каждого своя, видите ли, всяк её опишет по-разному, со своей колокольни. Чем ниже колокольня, тем меньше знаний и больше домыслов, чем она выше – тем больше возможностей и желания сказать то, что тебе надо.

– Кто, по-твоему, убил летописца? – спросил Захар.

– Дайрус, конечно!

– Кто тебе это поведал?

– Так король сказал!

– Мая, ты как мыслишь?

– Я не знаю, – она не верила, что Дайрус убил какого-то старика. Он ни разу не упоминал про Летопись. – Я думаю, это не он...

– Но ты не можешь знать! – воскликнул Рик.

– И ты не можешь! – оборвал его Захар. – Ты полагаешься на слова короля.

– Но зачем королю врать?

Фил захохотал:

– Ну ты даёшь, твоя милость! В кого такой доверчивый уродился? Тебя кто воспитывал? Ах да, твой лживый папочка!

Рик попытался вскочить и добраться до меча – Дим легко удержал его на земле. Рик дёргался, но был слишком слаб.

– Да я не в обиду, успокойся, ну чего ты? – примирительно сказал Фил и причмокнул: – Вот уж не думал, что кто-то в этом насквозь лживом мире верит в сказки. Знаешь, что я давно понял? Все люди ублюдки, только одни по рождению, другие по деяниям.

Рик побагровел, скрипя зубами. Самая обеспокоенно покосилась на него: на повязках выступила кровь.

– Отвяжись от мальчика, а то окочурится, – Боб предостерегающе посмотрел на Фила.

– Надо спать, – объявил Дим.

– Вот, верно человек говорит, – обрадовался Фил. – Мы все уже не в себе. Покемарим и утром рванём в Нортхед, так ведь?

– Я обещала принцу поехать к господину Сиверсу, – твёрдо возразила Самая.

– Вот и езжай одна, – вмешался Сильвестр. – Мы ему ничего не обещали и поедем в Нортхед, правда, Дим?

– В моя страна зенсина не бросать на дорога, – покачал головой Дим.

– Ты должен слушаться меня!

Дим сплюнул.

– Я провожу даму, – ехидно предложил Фил.

– Незачем тебе туда ехать одной! – заявил Рик.

– Но мне надо поговорить с твоим отцом... – тихо заметила Самая. – Я же обещала, – она надеялась, что это Рик поймёт.

– Ладно, клянусь, что отвезу тебя к нему и попрошу ответить на твои вопросы. Заодно свои вопросы задам, – угрожающе произнёс Рик. – Но сначала мне надо поправиться.

– Ну вот, отличный выход. Все согласны? – спросил Сильвестр.

Захар и Боб закивали, Фил скривился, Дим посмотрел на Самую. Она растерялась. Рик прав – поговорить с Ноэлем Сиверсом никогда не поздно. Если она хочет найти родных, надо ехать именно в Нортхед. Как быть? Самая посмотрела на небо: ответа там не было. Она вспомнила прощание с Дайрусом, его приказы. Теперь она одна – пора принимать свои решения и идти своим путём.

Глава 5. Встреча с королём

Выехав из леса, путники оказались у реки Истры, на противоположном берегу которой раскинулся Нортхед, окружённый каменной стеной. Путники перебрались по мосту через Истру и прошли в открытые Бронзовые ворота. У ворот на пиках красовались рука и нога – останки каких-то бедолаг. «Наверное, тех самых убийц», – подумала Самайя. Солдаты из городской стражи пропустили их, увидев едва живого Рика. Фил Дурошлёп тут же объявил, что дальше их пути расходятся, и скрылся, прищипывая лошадку. Он так и не сказал, откуда родом.

Нортхед казался маленьким по сравнению со столицей Барундии Арпенем. Двух- и трёх-этажные дома серого, красного или грязно-жёлтого цвета нависали над головой, пока они ехали вверх по короткой Разъезжей улице в сторону дворца, лавируя между многочисленными подводами и всадниками. Рик сказал, что здесь всегда многолюдно: торговцы, путешественники, моряки из гавани ехали через эти ворота, а дальше либо во дворец, либо поворачивали от ворот на Гаванскую улицу, которая вела на Волхидскую площадь.

Самайя до жути боялась. Ей очень хотелось вернуться домой – она старалась отбросить эти мысли: пути назад нет. При подходе к дворцу Рик оживился, показывая, куда идти, и, наконец, они въехали на Дворцовую площадь. Дворец напоминал одновременно замок и огромный дом в три этажа. На ступенях при входе стояли стражники в синих штанах и тёмно-красных куртках. На голове они носили обшитые серебряной нитью красные береты с синим пером. Под чёрными плащами с гербом Айвариха в виде сокола на красно-синем фоне виднелись мечи или шпаги.

Дворец, казалось, состоял из частей, построенных в разное время из разного материала. Наиболее древними были две квадратные башни по углам задней стены дворца. Башни из грубых, потемневших от времени блоков известняка казались нелепыми на фоне более современных построек, напоминая два гигантских рога. Здание дворца из серого и красного кирпича выглядело новым, фасад украшали многочисленные скульптуры и высокие вычурные окна с аркадами на первом и втором этажах. Оконца третьего этажа были крохотными – Рик сказал, что там жила дворцовая челядь. Над входными ступеньками нависал широкий балкон.

Перед дворцом торчала одинокая пика с бородатой головой, вокруг неё жужжали мухи и горланили вороны. Самайя поёжилась от неприятного ощущения, опустив глаза. Убийца он или нет, лучше бы его похоронили как подобает, вместе с теми конечностями у других ворот. Вообще-то в Барундии тоже любили разного рода казни – увидеть тела и части тел можно было повсюду. Привыкнуть к этому Самайя не могла: трупный запах вызывал у неё тошноту. Иногда она думала, что хотела бы жить вдали от всех городов, среди деревьев и тишины, где пахнет хвоей, морем или цветами.

Трое королевских стражников, заметив компанию, спешили в их сторону. Боб к этому времени незаметно испарился. Самайя подумала, что Захару стоило бы последовать его примеру, иначе его ждут неприятности. Что делать ей самой, она не представляла. Позволит ли ей теперь Рик заботиться о себе или сдаст стражникам как любовницу Дайруса? Она только сейчас поняла, чем для неё всё может кончиться.

Рик упрямо потребовал, чтобы его поставили на ноги, Захар с Димом поддерживали его, чтобы он не упал.

– Эй, Райгард Сиверс, ты, что ли? – недоверчиво спросил один из стражников. – А чего один? Сбежал от Дайруса?

– Заткнись, Свистун! Если кто и сбежал, то не я!

– Это Дайрус от него сбежал, ваша милость! – влез Сильвестр. – Зато наш мальчик сражался как герой! Дайрус его ранил, но победить не смог! Я сам всё видел и обязательно сложу

песню про его храбрость и верность королю Айвариху! – Лицо Сильвестра лучилось улыбкой, он вправду походил на добродушного монаха.

– Это что за болван?

– Не болван, мой господин, всего лишь поэт и актёр, писатель и философ, прибыл вот в вашу страну...

– Прибыл, говоришь? – Свистун подозрительно нахмурился. Представление Монаха его не впечатлило. – Ты, чаем, не шпион Дайруса? На каком корабле прибыл?

– Шпионы, ваша милость, ездят тайно, а не открыто. А я вот не скрываю, что именно Дайрус привёз меня в ваши края. О нём я песен слагать не стану, уж больно не понравился он мне!

– Ты мне тоже не нравишься, так что засунь свои песни себе в зад, – Свистун оглядел остальных. Самая почувствовала взгляд, обшаривший её всю, после чего Свистун переключился на Дима.

– Это что за чучело?

– Да актёры мы, вместе выступаем, нас все страны знают за пределами Сканналии. Вот, наконец, мы задумали покорить здешнюю публику. Дим – непревзойдённый мастер трюков и жонглёр, он может пройти по верёвке, натянутой между теми башнями, – Монах гордо указал на две башни, торчавшие из-за фасада.

Свистун недоверчиво скривился.

– А это кто? – ткнул он пальцем в Захара. – Местный?

– Это мой пленник, – торжественно заявил Сильвестр. – Вот он и есть шпион Дайруса! – Захар дёрнулся, Рик застонал от боли.

– Что?! – Свистун уставился на Монаха. – Ты что несёшь? – Все, включая Захара, недоверчиво косились на Сильвестра.

– Да, шпион, – подтвердил тот. – Это Захар доложил Дайрусу о том, что в Малгарде случилось, он же предупредил, что скоро явится ваша армия. Да если бы не он, кто знает, может, Дайрус был бы мёртв, вот! Дим подтвердит. – Дим склонил голову набок.

Стражники приблизились к Захару, чтобы он не попытался сбежать. Самая в ужасе застыла.

– Эй, Рик, что скажешь? Этот скоморох правду говорит? – обратился к Рик Свистун.

– То, что он из Малгарда, это точно, – медленно начал Рик, – ну и с Дайрусом я его видел, они говорили о восстании.

– С ним был Боб, местный, так вот он точно сообщник этого Захара. Он донёс всё про казнь убийц, которых послал Дайрус. – Рик вытаращил глаза от такого поворота.

– Он просто рассказал, что с ними стало! С чего ты взял, что он шпион? Ты же сам его нашёл в гавани! – слабо запротестовал он.

– Это он меня нашёл, чтобы следить за нами, но я не дурак. Они с Захаром явно знакомы давно, всё время переговаривались, шептались и рассказывали про этого вашего убитого летописца.

Захар был почти спокоен. Свистун отдал приказ двум другим стражникам схватить малгардца.

– Если он ваш пленник, почему не связан? Где второй?

Рик оглянулся – он только сейчас заметил, что Боба нет. Вообще, Рик с трудом стоял на ногах, цепляясь за Дима, вид у раненого становился всё хуже. Самая испугалась, что он умрёт прямо у дворца. Свистун тоже это заметил и отправил слугу за носилками.

– Так ехать-то сколько, мало ли, сбежит ещё, и прикончит перед этим! – лебезил Монах. – Молодой господин Райгард слаб, почти всегда без сознания, а я не мастер драться со шпионами, вам не чета. Да и зачем ему знать, что он пленник? Пусть сам добровольно доедет, куда мне надо, тут вы его и возьмёте тёплым. Вот он, весь ваш! Мы, с вашего позволения, ваша

милость, проводим юного Райгарда к лекарю. Господин, куда нам дальше идти? – обратился к Рику Сильвестр, подставляя плечо. Рик со злостью оттолкнул его и рухнул на землю без сознания, Самая торопливо склонилась над ним. Свистун, раздражённо выкрикнув что-то, приказал увести Захара.

Рядом опустили носилки, слуги перетащили Рика на них.

– Второй где? – настойчиво тряс Сильвестра Свистун.

– Да тут где-то, от вас не скроется. Боб его зовут, он из Нортхеда. Охотник отличный, скажу я вам, провёл нас до города без сучка без задоринки. Он крупный такой, глаза серые, волос чёрный, короткий, борода такая до груди, – Монах показал, докуда борода у Боба. – Лет тридцать ему будет. Он всё время с нами был, потом ушёл – домой, наверное. Где живёт, Захар знать должен. Уверен, вы отыщете его без труда, тогда эти двое много интересного вашему королю расскажут. Ну а я, если что, всегда готов опознать этого Боба и подтвердить, что вы отыскали опасного злодея.

Рика погрузили на носилки, он даже открыл глаза, но больше напоминал труп. Самая потрогала ему лоб.

– Твоя баба? – спросил Свистун. – Что-то я её не помню.

– Она осталась сиротой в Барундии; в Сканналии у неё есть родные, вот она и приехала их искать. Если его милость господин Райгард ей поможет, она будет ему ну очень благодарна, – вставил Сильвестр.

– Её тоже Дайрус привёз? – загоготал Свистун.

– Господин мой, на кораблях было много людей. Кто бы ни привёз, обратно с собой он её не забрал, а нам пригодилось, – подмигнул Сильвестр.

– Слушай, Свистун, Мая со мной, – Рик говорил с трудом. – Дай мне уже убраться к себе, вопросы потом задашь. Вдруг король захочет что у меня спросить? Мая и Дим мне помогут, вон лучше Сильвестра забирай.

Монах живо закивал:

– Ваша милость правы, конечно, я помогу в поимке Боба, коли надо. Его Величество будут довольны!

– Пшёл вон, – Свистун толкнул его на землю. – Помощник нашёлся. Ты его упустил, а я теперь гоняйся! Когда поймаю, ты мне ещё ответишь на пару вопросов! – Свистун позвал несколько человек и спешно направился в город.

Сильвестр вздохнул и пристроился вслед носилкам, которые слуги понесли во дворец.

Королевская стража состояла из трёхсот воинов – постоянно во дворце жила только десятая их часть. Набирали сюда как юношей из дворянских семей, так и представителей низших сословий по протекции высокопоставленных знакомых. Командные должности занимали дворяне, возглавлял стражу короля барон Лантон Орланд. Стражник обычно проводил месяц на службе во дворце, после чего девять месяцев жил дома, откуда при необходимости король вызывал его в любое время. Юноши, поступавшие на службу, не имели жён и детей и жили в казарме постоянно, чтобы быть под присмотром, учиться у старших товарищей и время от времени участвовать в «настоящем деле», как между собой они называли события вроде тех, что произошли в Малгарде.

Казармы представляли собой большое помещение в северном крыле дворца на первом этаже возле Северной башни. Оно делилось на три комнаты, в каждой жили по десять человек. Самая, оказавшись здесь, почувствовала себя очень неловко от запаха мужских тел, разбросанных повсюду предметов одежды и других принадлежностей, а также двух почти голых стражников, которые разглядывали её с явным интересом, даже не думая прикрыться.

Рик кивком указал на постель, укрытую шерстяным одеялом. Двое слуг помогли Рику перебраться на кровать с носилок.

Стражник, сопровождавший их до казармы, отправил одного из слуг за лекарем и оттолкнул Дима, когда тот попытался осмотреть Рика. У стражника была курчавая бородка и щегольски завитые усы.

– Да оставь его, Ларри, пусть, – слабо запротестовал Рик. – Не хватает сдохнуть прямо тут. Этот парень дело знает.

– Где ты его откопал? Я таких в жизни не видывал.

– Да где и всех – в гавани. Лучше сообщи королю, что Дайрус бежал...

– Уж это-то мы знаем, – усмехнулся Ларри. – Жаль, Крисфен опоздал, а то если Дайрус и сбежал бы, то на тот свет.

– Я вот тоже думал, что он успеет, – не вышло. Крисфен должен был выступить из Малгарда на следующее утро после моего отъезда, ему хватало времени прибыть в гавань. Что с ним случилось, не знаешь?

– Да как не знать? – рассмеялся Ларри. – Ему не хватило одного дня на развлечения в Малгарде, вот и подзадержался малость. Не знаю уж, насколько им было весело там, король же нынче в таком настроении, что будь Крисфен тут, папа б ему устроил весёлую ночку.

– Из-за такой ерунды Крисфен не выполнил приказ короля? Ведь Айварих чётко ему приказал...

– Ты же знаешь Крису – ему никто не указ.

– Но мы из-за этого столько народа потеряли, и Дайрус ушёл...

– Не наше это с тобой дело, – посерьёзней Ларри. – Пусть король сам с сыном разбирается. Ты ж своё дело сделал? Как твоя мечта сразиться с Дайрусом – исполнилась?

Рик скривился.

– Исполнилась, да не вся. Я-то его не убил!

– Дак ведь и он вас не убил, ваша милость, – подобострастно, но с долей насмешки, заметил Сильвестр. – Главное, вы сделали всё, что могли. Не ваша вина, что не только от вас зависел исход боя.

– А ты кто? – спросил Ларри у Монаха.

– Я, ваша милость, хочу познакомиться с вашей страной и вашим королём, о коем много рассказывают в разных странах, где я бывал. Хочу и себя показать, а кто я, одним словом не опишешь. Я и актёр, и поэт, и философ, и эстет...

– Да заткнись ты, – прервал Рик. – Дим, помоги раздеться.

Дим ловко снял рубаху, сапоги и очень осторожно начал стаскивать остатки штанов. Самая отвернулась – те двое полуголых по-прежнему смотрели на неё. Она поневоле снова повернулась к Рiku: тот кусал губы от боли. Сквозь полуприкрытые веки она разглядела его мускулистую фигуру – новый знакомый напомнил ей ученика кузнеца, который жил на окраине Арпена и работал без рубахи.

– Ларри, не глянешь, куда лекарь запропастился? – попросил Рик, на его лбу выступила испарина.

Ларри внимательно посмотрел на товарища, кивнул и ушёл. Рик, уже совершенно голый, наблюдал, как Дим осматривает рану на бедре, качая головой. Самаяе показалось, что юноша боится, как бы Дим не объявил, что рана смертельна. На саму рану Рик не смотрел, старательно отводя глаза и время от времени цепляясь отчаянным взглядом за Самаяю. Она присела на постели, взяв его руку в свою. Рука была холодная.

– Я думал, Захар тебе нравится, а ты его так запросто сдал, – обратился Рик к Сильвестру.

– Вы или я, какая разница, кто бы его сдал? – пожал плечами Сильвестр. – Он служил Дайрусу, я хочу служить Айвариху. Зачем же мне молчать?

– Хочешь служить Айвариху? – удивился Рик. Самая была поражена не меньше. Сильвестр не походил на человека, который хочет служить в принципе. – И что ты будешь делать?

– Что потребует король, если мои способности и знания придутся ко двору. Вы ведь замолвите за меня словечко, ваша милость? Мы с Димом и Маей будем служить и вам, и королю, но мы слишком маленькие люди, чтобы король обратил на нас внимание.

– Думаешь, я тебе помогу?

– Я лишь прошу вас помочь нам подыскать какую-никакую работёнку да место, где можно жить, ну а там мы справимся. Дим вот вам подсобит с ногой, Мая языки знает, читать-считать умеет, а то пока она родных-то найдёт! Ну а я, глядишь, напишу хронику вашей страны и прославлюсь на всю Сканналию. Или такую пьесу поставлю для короля, что он другие смотреть не захочет! А ежели вы всё ещё хотите знать имя матери...

– Заткнись, – велел Рик, – не смей об этом говорить!

– Велите говорить, буду говорить, велите молчать, ни слова не услышите, мой господин, – поклонился Сильвестр. – Клянусь вам, король Айварих не встречал более преданного ему человека, чем я.

– Но прибыл-то ты с Дайрусом?

– Так это и есть начало моей хроники, мой господин. Я должен был познакомиться с врагом короля, чтобы потом описать ему этого врага, чтобы описать его слабости и силу, чтобы прославить победу, разузнать планы...

Конец речи Рик слушал вполуха, ибо сознание ускользало куда-то далеко. Его знобило, порой к горлу подкатывала тошнота, тело дрожало от слабости. Голос Сильвестра, однако, успокаивал и усыплял не хуже вина или сонного настоя, даже дикая боль от раны, казалось, уменьшилась.

Рик не верил, что Монах говорит правду, но ведь именно он выдал Захара. Рик, хоть и разозлился на Монаха, в глубине души испытал облегчение. Самому объявить Захара шпионом Дайруса ему было бы нелегко – Рик радовался, что Сильвестр его опередил. Про Боба Рик вообще ничего не знал. Если бы не Сильвестр, второй шпион остался бы незамеченным. Может, к лучшему, что Монах в Нортхеде? И Мая... За прошедший день её руки слишком часто помогали ему, уменьшали боль, кормили и поили. Даже помочиться без неё он толком не мог – мужчины не жаждали оказывать такую помощь. Похоже, после всего произошедшего Мая не стесняется его наготы; её ладони держат его руку, обволакивая её теплом. Он порадовался, что не стал дожидаться людей Криса на поле боя вместе с другими ранеными: мысль о встрече с принцем вызывала зубную боль.

Ему особенно нравилось, что Мая почти не говорит, хотя иногда её молчание казалось очень красноречивым – он понимал её без слов. Правда, иногда понимал превратно. Она не так красива, как Илза, но не уродина, это точно! Огромные печальные зелёные глаза с длинными ресницами, маленький рот с нежными губками, которые словно не умели улыбаться, чуть курносый нос. Светлые короткие волосы слегка вились, едва скрывая уши, на мочках которых виднелись заросшие дырки для серёг. Одна мочка разорвана, словно кто-то с силой вырвал серьгу из уха. Рик чувствовал: Мая испытала немало боли за свою короткую жизнь. Он не хотел причинять ей ещё больше боли, и она выглядела такой потерянной! В конце концов, мало ли кто у Дайруса был в любовницах. Сильвестр втихую поделился с Риком подробным рассказом о том, как Дайрус познакомился с Маей. Рик не винил её за то, что она осталась с ним.

– Ваша милость! – настойчивый голос Монаха вернул Рика к реальности. – Где бы нам пристроиться на ночь? Понимаю, при дворце не всякому дадут остаться, зато я могу понадобиться для опознания Боба, Дим пригодится вам, а Маю куда одну отпустить?

Рику сейчас было откровенно плевать, где остановится Сильвестр и опознает ли он Боба, но Мая с Димом помогли ему, не бросать же их теперь? Но что можно сделать?

– Мне нужны бумага и чернильница, – пробормотал Рик, пытаясь приподняться на кровати. – Я напишу...

То и другое нашлось в Маином мешке, который таскал за собой Дим. Рик с трудом выводил буквы, ставя кляксы дрожащей рукой. Закончив письмо, он протянул его Мае.

– Сейчас придёт Ларри, я попрошу его отвести тебя к королеве. Она подыщет тебе работу.

Мая испуганно смотрела на письмо, не решаясь взять его. Стоило ей вытянуть руку, Рик добавил:

– Дай слово, что будешь служить королю и королеве, а не Дайрусу. Хочешь изучить историю Райгарда Второго, я не против – прошлое никому не навредит. Поможешь мне узнать мамино имя, я тебя отблагодарю, вздумаешь устроить заговор в пользу Дайруса – отправлю к палачу. Я видел, на что он способен – тебе не захочется с ним встречаться.

Мая побледнела и произнесла:

– Я никогда вас не подведу, обещаю.

Рик обвёл взглядом остальных и добавил:

– И вас это касается. – Дим с Сильвестром кивнули.

Тут дверь открылась: вошёл Айварих.

Судя по тому, что двое полуголых мужчин вскочили и склонили головы, Самая поняла: в казарму пожаловал сам король. Рик, увидев его, попытался встать и потерял сознание. Дим наклонился над ним, послушал сердце, потом стал считать пульс. Айварих в сопровождении двух стражников приблизился к ним.

– Не помню, чтобы я такого лекаря нанимал! Где Кьяран?

– За ним послали, Ваше Величество! – Сильвестр низко склонился перед королём. – Но если вам что-то требуется, наш Дим постарается это исполнить. Он не лекарь, но кое-что умеет.

– Мне с Райгардом Сиверсом нужно поговорить, – брезгливо сказал Айварих. – Прямо сейчас.

– Ваше желание для меня закон, Ваше Величество, – Сильвестр повернулся к Диму и велел ему привести Рика в чувство.

Дим метнул взгляд на короля, вытащил из мешка пузырьёк и откупорил крышечку. Сильвестр по его знаку приподнял Рика на кровати. Дим молча поводил пузырьком под носом у раненого. Айварих нетерпеливо наблюдал. Самая исподтишка разглядывала человека, о котором столько слышала от Дайруса. Айварих был невероятно высок – Самая никогда не видела таких высоких людей. Несмотря на полноту, он не казался рыхлым, скорее от него исходила физическая сила, в синих глазах отражалось превосходство над всеми. Короткие рыжеватые волосы изрядно поредели, борода с проседью скрывала выдающуюся челюсть под тяжёлым носом. Ему было сорок три года, насколько она помнила.

Рик открыл глаза, поморщился и застонал. Айварих жестом велел Сильвестру с Димом отойти. Нависая над кроватью, он спросил:

– Дайрус и впрямь ушёл?

Рик непонимающе смотрел на короля, моргая глазами:

– Господин Ривенхед дрался с ним, но их было больше... Он погиб...

– Шеймус убит? Ты видел? – резко спросил Айварих Рика. Тот кивнул.

– Господин Райгард тоже дрался с принцем Дайрусом. Его ранили, он ведь так неопытен... – снова влез Сильвестр.

– Да, его отец не старался учить его тому, что воин должен уметь, – процедил Айварих. – А ты кто?

– Я прибыл с Дайрусом, Ваше Величество, – оттарабанил Сильвестр, не моргнув глазом.

Айварих заметно удивился:

– Ты не боишься, что я тебя за это повешу?

– Если такова будет ваша воля, вы всегда успеете меня повесить! Но сначала я хотел бы рассказать Вашему Величеству всё, что я знаю о Дайрусе и его шпионах! – без запинки

отчеканил Сильвестр. – А если Ваше Величество после этого меня не повесит, то я бы очень хотел исполнить то, ради чего прибыл в Сканналию.

– Ради чего же ты прибыл? – с любопытством глядя на Сильвестра, усмехнулся Айварих.

– Покрыть славой своё имя и ещё больше восславить ваше!

– А подробнее?

– Ваше Величество, я мечтаю написать пьесу о вашем предке, чей трон получил недостойный.

– Что? Ты это о чём?

– Я говорю о Ярвисе. Он незаконно отнял трон у вашего предка Свирега, обвинил его в грехе братоубийства, из-за чего его совершенно несправедливо прозвали Свирег Проклятый!

Айварих помрачнел.

– Ваше Величество, моя пьеса расскажет, каким злодеем был Ярвис, который безжалостно расправился с братьями.

– События тех лет теперь мало кого волнуют, – бросил Айварих.

– Моя пьеса покажет, что Ярвис был таким же злодеем, как его потомок Райгард, Ваше Величество! Весь род Кройдомов вместе с Дайрусом проклят из-за кровных преступлений!

Айварих задумчиво смотрел на Сильвестра.

– У меня тут уже один такой писатель есть, – фыркнул он. – Правда, что он там изобразил, я пока не видел.

– Моя пьеса будет готова очень быстро, Ваше Величество. Может быть, вы также позволите мне написать хронику Сканналии, о чём я мечтал много лет.

– Откуда такие мечты?

– Ваше Величество, когда-то я был послушником при монастыре, переписывал хроники, сказания разные. Чего я только не читал за это время! Потом я покинул монастырь, так и не став монахом, зато моё стремление к знаниям и истории осталось. Я сделался актёром, много путешествовал, много придумывал историй, ещё больше наблюдал сам, но я устал. Я мечтаю обрести дом и славу! Да, славу в веках! Хочу, чтобы мои хроники и пьесы переписывали монахи! Поэтому я изучал Дайруса, прежде чем прибыть сюда, Ваше Величество! Я уверен, что он вернётся, он сам это говорил. Я покажу вам вашего врага таким, каким вы его не знаете!

– Что такого особенного ты знаешь? – Лицо Айвариха казалось непроницаемым, тем не менее, слушал он внимательно.

– Если вы позволите, я обо всём расскажу вам наедине, в более спокойной обстановке. Я много чего знаю. Про Гиёмона и его жену, например.

– Ладно, – решил Айварих. – Завтра расскажешь. А пока тут побудешь, в казарме.

Рик за это время окончательно пришёл в себя и напряжённо слушал речь Сильвестра. Самая уже успела до смерти испугаться, что Монах сейчас всё доложит про неё с Дайрусом, и король отправит её к палачу. Пока, вроде, обошлось. Рик тоже расслабился и спросил:

– Ваше Величество, что случилось с нашим флотом? Он ведь должен был перехватить флот Дайруса...

– Дерьмо с ним случилось, – зло оборвал король. – Сигналов с горных постов они не получили, и твой Дайрус уплыл!

– Он не мой, – пробормотал Рик себе под нос. Айварих услышал и скривился.

– Неважно! Кое-кто ложный сигнал подал, чем здорово этому щенку помог.

– Это были люди Диэниса? – нерешительно спросил Рик.

Айварих склонил голову, разглядывая Рика.

– Возможно. Жаль, его мы не можем спросить, правда? Но мы их найдём, кто бы они ни были!

– Рик, ты вернулся! Ты здоров? – в помещение вошёл молодой человек, одетый в бордовый бархатный камзол и пышный берет, расшитый жемчугом и камнями. На шее у него висела золотая цепь с огромным рубином. По мнению Самайи, ему было лет восемнадцать, как и Дайрусу. Длинные жидкие волосы – светлые с рыжеватым оттенком – рассыпались по плечам, живые голубые глаза внимательно смотрели на Рика. Довольно худой, если не сказать тощий, высокий, лицом он походил на Айвариха. Один из двух его сыновей от первого брака, решила Самайя. Рик подтвердил её подозрения, воскликнув:

– Алексарх! – и тут же поправился: – Ваше Высочество!

Айварих недовольно нахмурился, сын учтиво поклонился отцу и спросил:

– Ваше Величество, вы позволите мне поговорить с Райгардом?

– Он сегодня не настроен болтать! – резко ответил Айварих. – Не видишь, он ранен, а лекарь до сих пор где-то шляется. Идём-ка со мной, нужно поговорить!

– Если вы о том, что я не пришёл на казнь, то вам известно: такие зрелища не по мне.

– Вот наедине мне всё и скажешь! Идём! – Айварих увёл сына из казармы.

Самайя вздохнула с облегчением, как и остальные, даже Рик, который не успел поговорить с Алексархом. Присутствие короля давило на всех.

Сильвестр весело обратился к двум местным:

– Господа, король велел мне переночевать тут, как вы слышали. Какую из этих кроватей я мог бы занять на ночь?

Один стражник плюнул в его сторону, другой издевательски указал на пустую покосившуюся деревянную кровать без покрывал. Сильвестр с усмешкой бросил на неё мешок:

– Дим поспит на полу, заодно присмотрит за господином Райгардом. А вот и лекарь, кажется.

И в самом деле, прибыл Ларри с лекарем. Осмотр раны Рика занял много времени.

– Похоже, твой первый бой станет последним, – объявил лекарь. – Будешь хромать, как твой отец. У тебя тут месиво. Повезло, что кость не сломана.

– Не может быть! – крикнул Рик. – Ты врешь, Кьяран! Сделай что-нибудь! Поставь пиявок, червяков, да кого хочешь! Я должен быть в строю!

– Я лекарь, а не колдун, – отрезал Кьяран. – Я могу заживить рану, но не могу поставить тебя на ноги.

– Не смей так говорить! – в глазах Рика показались слёзы. – Я не хочу стать калекой!

Кьяран пожал плечами:

– А я при чём? Что смогу, я сделаю, остальное в руках Отца Небесного. Пойду схожу за снадобьем.

Когда он вышел, повисла неловкая тишина. Сильвестр качал головой и едва слышно бормотал: «Я не могу, не могу. А что он вообще может?»

– Я могу, – вклинился голос Дима. Рик дёрнулся как от плети.

– Что ты сказал?

– Я могу лесить, – выговорил Дим. – Вы ходить.

– И воевать?

– Если хотеть.

– Но как ты это сделаешь?

– Не я, а вы, – поклонился Дим.

– Это как?

– Я показать. Будет болеть, вы ругать меня, не любить меня, но в конес вы ходить, – пообещал Дим.

– Если я буду ходить, – поклялся Рик, – я не буду тебя ругать.

– Хоросо, – снова поклонился Дим. – А где спать Мая?

– Ларри, – Рик вспомнил о письме, – будь другом, проводи Мая. Я написал письмо королеве, пусть Мая ей его передаст.

Ларри недовольно прищурился, однако имя королевы заставило его прикусить язык. Он молча направился к двери, Самайя так же молча последовала за ним.

Глава 6. Семейные отношения

Рик выругался сквозь зубы, шагая по знакомому наизусть маршруту и стараясь не опираться на трость. От дворца на север по улице Святого Рагмира до Волхидской площади, оттуда повернуть на юго-восток на самую длинную улицу Нортхеда – Кузнечную, – делившую город на две неравные части: северо-восточную с кварталами кузнецов, ювелиров, медников, оружейников и юго-западную с дворцом, городским управлением, кварталами аристократов и торговцев. Эта улица вела к Железным воротам: через них в Нортхед привозили серебро, железо, медь, олово, свинец, ртуть и прочие металлы, добытые в Серебряных горах. Почти посередине Кузнечной улицы – там, где площадь с кафедральным собором и ратушей, – резко повернуть на юго-запад по самой широкой в городе Замковой улице и по ней снова выйти ко дворцу. Пот градом лил с Рика, под ногами хлюпали лужи от недавно прошедшего короткого ливня. Рик всё время боялся, что поскользнётся и рухнет прямо в бурю жижу. Впрочем, жаркое солнце уже светило вовсю.

Дим невозмутимо шагал за ним. Ежедневная прогулка стала привычной, но боль в ноге давала о себе знать. Рана, которую Дим тщательно ушил под вопли и ругань Рика, зарубцевалась – правда, бедро то дёргалось от судорог и болело, то немело. Дим сказал, что это из-за порванного нерва, и без устали смазывал и массировал рубец твёрдыми пальцами. Постепенно Рик начал вставать, и Дим потребовал ежедневных упражнений для тренировки мышц. От этих упражнений Рик хотел завить, побить Дима, плюнуть на всю эту ерунду. Потом он вспоминал, что тогда не вернётся в королевскую стражу, не увидит Илзу, и, стиснув зубы, упрямо делал всё, что просил Дим. Возвращаться домой к отцу как побитая собака – да никогда!

Изредка Рик вспоминал Маю, интересуясь у Дима, как у неё дела, на что неизменно получал один ответ: «Королева довольна». Королева Катрейна не раз присылала слуг справиться о здоровье Рика – его ответы всегда были одинаковы: «Передайте Её Величеству, что мне гораздо лучше, и я очень признателен ей за участие».

Мая прислуживала королеве и её фрейлинам, читала вслух книги на разных языках. Рик видел Маю редко, помня об обещании отвезти её к отцу. Может, она об этом давно забыла?

– Как нога? – в казарму зашёл Алексарх, с которым Рик неплохо ладил.

– Лучше, – неуверенно сказал Рик. После прихода принца он встал, опираясь на трость. Принц, заметив, очевидно, его гримасу, кивнул на кровать. Рик тяжело опустился на неё, положив трость на колени. Изящную трость эбенового дерева с набалдашником слоновой кости подарил ему Алексарх – она оказалась очень крепкой.

Присутствие принца всегда смущало Рика, но Алексарх умел развеять любое смущение. Он пристроился на краешке соседней кровати, огляделся. В этот час в помещении никого не было, через распахнутое окно влетал раскалённый воздух, доносились отрывистые возгласы конюхов, щёлканье хлыстов и ржание лошадей из конюшни напротив.

– Рад это слышать. Мне было бы жаль, если бы тебе пришлось покинуть службу.

– Ну, пока говорить рано. Дим уверяет, что всё будет в норме.

– Ты ему доверяешь?

– А что? – удивился Рик.

– Он странный какой-то. Не такой, как все.

– Понятно, издали же приехал. Вон есть места, где люди чёрные.

– Дело не в цвете кожи... – Алексарх нахмурился. – Он словно с того света...

– Ваше Высочество, он всего лишь нищий чужеземец, который хочет применить умения себе на пользу.

– И какую пользу он извлечёт из помощи тебе?

– Ну, мне-то он помогает ради Маи. Если б не она, Дим бы мне давно горло перерезал.

- А откуда она его знает?
- В Барундии они познакомились, потом плыли вместе в Сканналию. А почему вы спрашиваете?
- Я сам не уверен. Я видел его с отцом...
- Ну и что, если король его о чём-то попросит? Дим служит ему, как все мы.
- Возможно, – задумчиво произнёс Алексарх. – А как твой отец? Ты не помирился с ним? Любому другому Рик заявил бы, что это не его дело, но к принцу так не обратишься, даже если это и впрямь не его дело.
- Ваше Высочество, вы знакомы с Иваром Краском? – Рик решил перевести разговор на другую тему. Алексарх слегка дёрнулся.
- Почему ты спросил?
- Хотел узнать, знаете ли вы его.
- Его дядя – член Королевского Совета, насколько я знаю.
- Но вы в курсе, что король назначил Ивара новым летописцем?
- Я спрашивал тебя об отце, не уходи от ответа, Рик.
- Да не могу я с ним общаться! Мы по-разному смотрим на многие вещи...
- У нас с отцом те же проблемы – мы ведь не бежим друг от друга, – пожал плечами Алексарх.
- Вас не называли в честь короля-злодея!
- Имя Райгард давно появилось в Сканналии, зато мне моё всегда казалось каким-то... слишком напыщенным. Королю бы подошло, но я ведь не король.
- Все знали, что дети от первого брака Айвариха с шагурийской принцессой не считались наследниками трона Сканналии из-за того, что брак был заключён не по канонам эктариан, а также потому, что оба сына родились до того, как Айварих стал королём. Крисфен постоянно проклинал всё и вся из-за этого; Алексарх чаще шутил и не слишком переживал по этому поводу. Ситуация изменилась недавно, после смерти единственного сына Айвариха и Катрейны. Айварих чуть с ума с горя не сошёл, когда младший сын, тоже Айварих, заболел и вскоре умер. Наследников не осталось. Крисфен буквально требовал назначить его наследником, раз Алексарх такой слабак и неженка. Рик в тот день впервые увидел, как Айварих ударил сына.
- Но надо мной смеются из-за имени. Хуже всего, что отец всё равно уверен, что Райгард был такой белый и пушистый. Даже Захар это знал!
- Люди часто воспринимают близких иначе, чем посторонних, – задумчиво пробормотал Алексарх. – Мне кажется, твоему отцу непросто отказаться от того, во что он верил, ведь ему пришлось бы признать, что он неправ и все его жертвы напрасны.
- Но закрывать глаза на преступления тоже нельзя! Он никого не хочет слушать!
- А как он относится к Оскару Мирну? – Рик удивился перемене темы.
- При чём тут Оскар Мирн?
- Я ведь упоминал о его новой книге? – Оскар Мирн долгое время был воспитателем Алексарха и сумел привить принцу любовь к богословию, истории и философии. Благодаря Алексарху Айварих выдал Мирну немалые средства на печать его трактата об устройстве идеального государства. Правда, сам король был от книги не в восторге. Принц всячески ею восхищался, так что Рик тоже пришлось её прочитать, но он мало что понял. Слышал Рик от принца и восторженные отзывы на первые главы новой рукописи Мирна, которую пока никто не читал. Очевидно, Алексарх имел в виду её.
- Вы говорили, что она о самом гнусном государе, – припомнил Рик.
- Да, Оскар от наилучшего государства перешёл к наихудшему. Его бросает из крайности в крайность. Так вот в качестве примера он взял как раз Райгарда Второго, изучив до основания его жизнь и преступления. Я читал и ужасался. Поговори с Оскаром, быть может, он под-

скажет тебе, как вести себя с отцом, если разговор зайдёт о Райгарде. По-моему, Оскар Райгарда просто ненавидит, он многих участников опрашивал, да и сам жил в те времена, когда правил Райгард.

– Как вы думаете, Ваше Высочество, – нерешительно спросил Рик, нервно вертя в руках трость. – А нельзя ли узнать о тех событиях из Истинной Летописи? Может ли человек вроде меня или вот вас попросить Ивара Краска уточнить всё про это дело?

– Ивара? Но к Летописи есть доступ только у отца. К тому же Оскар говорит, что это вещь дьявольская, опасная и языческая. Ивар не должен был соглашаться...

– Не должен был, хоть и не поэтому...

– Я слышу имя Ивара, Алекс? Опять жалуешься, что потерял приятеля? – голос Крисфена прервал Рика. Принц отсутствовал во дворце последний месяц: король отослал его из столицы после бегства Дайруса. Младший сын Айвариха тяжёлыми шагами протопал в помещение казармы, поигрывая кинжалом на поясе. Алексарх стиснул зубы. Крисфен был на два года младше брата, но гораздо крепче, его отличали те же рыжеватые волосы и голубые глаза.

– Впервые вижу тебя среди мужиков, а не богословов, – съехидничал Крисфен, – так и здесь ты умудряешься понять. Кстати, у меня для тебя две новости: хорошая и плохая. Сам реши, где какая.

Крисфен рассмеялся каким-то своим мыслям, потом встал в картинную позу, вытянув вперёд ногу в облегающем светло-коричневом чулке и изящном кожаном башмаке с серебряной пряжкой:

– Возрадуйся, брат мой, наш отец предложил тебя в мужья славной Марции, принцессе Барундийской. Никто иной как я повезу письмо Его Величеству королю Барундии Гиомону Третьему и жене его прекрасной и строгой королеве Маэрине! – произнося эту фразу, Крисфен не сводил с брата глаз. Алексарха новость ошарашила так, что он не обратил на это внимания.

– Что ты такое говоришь? Отец собирается меня женить? – Алексарх вскочил с кровати.

– А что странного? Отец жаждет внуков, а дети короля должны брать в жёны только принцесс!

Алексарх внимательно посмотрел на брата:

– Вижу, ты не забыл свою сказочную детскую мечту – жениться на принцессе?

– Ну не на принце же, – скрипнул зубами Крис. – Как думаешь?

– Тогда почему бы тебе самому на ней не жениться?

– Я не против, так ведь не я старший. Впрочем, у тебя есть шанс избежать женитьбы, – усмехнулся Крис. – Вторая новость как раз об этом: наша возлюбленная мачеха ожидает... Ах, чёрт, не знаю, кого она ожидает! Если мальчика, то на Марции можно женить его, даже если она ему в матери годится.

– У королевы будет ребёнок? – вырвалось у Рика.

Крисфен с досадой посмотрел на него:

– Будет, коли не помрёт, – бросил он. Основания для такого утверждения у него имелись: за тринадцать с лишним лет брака у Катрейны было несколько выкидышей, трое детей умерли младенцами. Надежды Айвариха укрепить трон наследниками таяли с каждым годом, смерть Айвариха-младшего их почти похоронила. И всё-таки Рику хотелось ударить Крисфена за эти слова, но он не смел, только Алексарх сказал:

– Не говори так о королеве! Отец сказал мне, что у нас будет брат, почти месяц назад. Пока, слава Богу, всё идёт хорошо. Надеюсь, ребёнок родится здоровым. Я помолюсь за него.

– Молись-молись, только на это и способен, – пробормотал Крис и обернулся к Рику: – А ты-то уже здоров? После Барундии можешь мне понадобиться. Кстати, где Мэйдинггор? Хочу взять Власа с собой в Барундию – пусть местных баб полапает. – Крис рассмеялся, видя, как потемнело лицо Алексарха.

– Он во дворе, Ваше Высочество, – выдавил Рик. Присутствие Криса начинало его тяготить.

– Вот как? Эй, кто там! Вот ты! – Крис ткнул пальцем в Дима, как раз вошедшего в казарму. – Найди Власа Мэйдингора. Немедленно! Понял?

Дим бросил взгляд на Рика, поклонился принцу и вышел.

– Рик, идём, – сказал Алексарх.

– Что, надоела моя компания? – нарочито удивлённо спросил Крис. Он быстро смахнул пот с покрасневшегося лица. На улице стояла жара, в казарме к тому же становилось всё более душно, несмотря на недавний дождь. Рик и сам вспотел, хотя был в одной рубашке без камзола.

– Мы собирались пойти к Оскару. Рик хочет с ним поговорить.

– Сам превратился в книжного червя и моего солдата хочешь погрести под книжками? – скривился Крис: – Смотри, Рик, поосторожнее с моим братцем, он тебя враз в свою веру обратит.

– Не смей говорить о вере! – взорвался Алексарх. – Твой отряд состоит из одних подонков! Ты превратил их в скотов, погрязших в смертных грехах... – Алексарх осёкся.

– Ну-ну, продолжай! Ты имеешь в виду тот грех, о котором в Декамртионе сказано «потакание страстям», или тот, который есть «извращение естественного порядка, противное Богу и природе»? Что ж, кому как не тебе всё знать о грехах, книгочей ты наш!

Алексарх уже сжимал кулаки, но силы были неравны – он просто повернулся и пошёл к выходу. Прихватив шляпу, камзол и ненавистную трость, Рик отправился за старшим братом, сожалея, что поле боя осталось за младшим.

Самайя не ожидала, что снова увидит Фила, – он выскочил прямо перед ней на оживлённой Замковой улице, где она часто прогуливалась, когда начинала задыхаться внутри стен дворца. На улице, правда, тоже дышать было нечем из-за жары. Остановившись в тени небольшого тополя, она раскрыла веер и тут заметила старого знакомого.

– Дорогуша, как я рад встрече! – закричал Фил и зашептал: – Ты уж стражу не зови, ладно? Я никому зла не причиню, а тебе давно. Знаешь, у меня отличная новость для тебя, – Фил знакомо причмокнул губами.

– Новость? – удивилась Самайя.

– Ну да, я ведь отыскал твою родню, представляешь?

– Родню? – Самайя растерялась. Она за этот месяц никого не расспрашивала про родных. Служба королеве отнимала почти всё время, из дворца удавалось выйти нечасто. Но сейчас королева ждала ребёнка, её обхаживали несколько лекарей, прибывших по приказу Айвариха, так что Самайя оказалась не нужна. Она как раз решила, что пора отправиться к Ноэлю Сиверсу и поискать родственников деда. Правда, имени его она не помнила. Как Фил мог кого-то найти?

– Да, именно, не сомневайся, дорогая! Видишь ли, я тут затесался в один дом по делу. Там висел портрет. Дочка хозяина, как я понял, померла она. Я увидел – враз обомлел! Думал, к тебе домой попал, представь? Оказалось, что у отца хозяина дома – его зовут Сайрон Бадл, хозяина, в смысле, – был брат, который давным-давно умотал в Барундию с сыночком-младенцем. Этот пацанёнок твой отец и есть, дошло? А Сайрон Бадл получается тебе... – Фил поразмыслил: – Ну да, двоюродный дядя, правда?

Самайя за всё время этой речи не произнесла ни слова, только машинально обмахивалась веером. Веер из дерева и цветастой ткани сделал для неё Дим. Многие дамы, даже королева, заинтересовались новинкой. Ничего подобного в Сканналии, да и в Барундии не знали. Фил тем временем уставился на неё выжидающе.

Она не знала, верить или нет такой новости. Неужели она нашла дядю? Но захочет ли он иметь дело с такой племянницей? Что Фил ему про неё рассказал?

Судя по всему, Фил понял её сомнения:

– Да ну, брось, Мая, я вовсе тебе зла не желаю, а помочь хочу. Ты мне тоже как-нибудь подсобишь, так? Ты ведь не сдашь меня страже короля?

– А ты не станешь злоумышлять против него? – спросила Самайя, вспоминая слово, данное Рику.

– Я? Против короля? – Фил расхохотался и прихлопнул комара на щеке. – Да я никогда этого не делал, не так разве? И ни в чём не участвовал, ты же помнишь? Да и на кой мне это? Чего я хочу, так это найти тёпленькое местечко, прижиться там. Что тут такого? Твой дядя подкинет мне работёнку, да ты кой-чем порадуешь, вот и сладим!

– Дядя даст тебе работу? А он кто?

– Ну, он торгош, ткани делает. Айварих ему дворянство всучил после войны и разрешил носить серебряную струну! Везёт же людям!

Серебряные струны носили простые обладатели дворянского титула. Только члены королевской семьи, баронских родов и высшие церковнослужители имели право носить золотую струну на шее; простые монахи и бедный люд довольствовались менее благородными металлами, а то и вовсе сплетали верёвку из десяти обычных нитей. Самайя носила струну из медных проволочек.

– Богатый мужик, но, как дочь схоронил, ходил весь никакой. Прямо ожил, как я про тебя ему сказал, – добавил Фил.

– А что ты сказал? – с опаской спросила Самайя, теребя веер. Одна из деревянных пластинок хрустнула под пальцами.

– Да не бойся, дорогуша, ничего страшного. Ну, что ты умная, красивая, грамоту разумеешь, жила аж во дворце в Барундии, да вот решила родных поискать, раз родители твои померли. А разве я в чём соврал? Дядя твой тебя ждёт не дожётся! Велел отыскать тебя, вот я и таскался тут, опрашивал, хотел к Рику этому сунуться, да побоялся, и вдруг тебя увидел! Повезло, правда же?

Самайя всё еще не верила, но Фил вроде не врал. Если она так похожа на ту девушку, то вполне может быть её троюродной сестрой. Она не помнила имени отца и деда, зато помнила, что они бежали из Сканналии давно, когда отец был крохой. Надо ехать к этому Сайрону Бадлу!

– А где он? – спохватилась Самайя. – Где живёт?

– Милях в ста отсюда, в Корнхеде, что на Арнагском озере.

– Так далеко? – ужаснулась Самайя.

– Да разве ж это далеко? Вон, Барундия ещё дальше, верно?

– Но я не могу просто уехать из дворца...

– Да почему?

– Королева...

– Королева добрая женщина, да и не до тебя ей сейчас, как я слышал, а? – подмигнул Фил. – Растолкуй ей, что обрела любимого дядю, разве она не отпустит?

Её Величество и впрямь была доброй женщиной, как успела убедиться Самайя. Девушке не хотелось покидать её надолго: королева слишком часто оставалась одна. Впрочем, сейчас она как раз не одинока, вспомнила Самайя. Может, это наилучшее время для поездки? Только вот... Самайя покосилась на Фила. Ехать с ним она не хотела: не забыла ещё его сальные шутки. Надо найти второго спутника и взять Дима, если ему король позволит, решила Самайя.

Оскар Мирн действительно много чего знал. Стоило Алексарху упомянуть о цели их визита, как судья разразился страстной речью, обличающей короля Райгарда. Потом Мирн прочитал выдержки из будущей книги, откуда Рик вынес несколько вещей: Райгард родился злодеем, жил злодеем и даже его добрые с виду дела были задуманы ради злодейских целей. Из книги и со слов Мирна следовало, что Райгард кроме Байнара убил короля Эйварда Пятого,

другого брата Саймеона, его единственную дочь Анну, которую перед этим соблазнил, а также собственную жену и много других. Правда, Мирн несколько раз оговаривался, что часть сведений лишь слухи, доказательств нет, но тут же хвалил источники и добавлял, что очень уж это всё похоже на правду. Неужели Райгард уничтожил почти всех оставшихся Кройдомов? Но как же отец этого не видел? Рик не знал, чему верить. Вроде бы Мирн слишком молод, чтобы знать Райгарда, тогда откуда эта почти личная ненависть? Рик внимательно посмотрел в его полуприкрытые веками грустные глаза.

– А вы знали короля лично, господин Мирн? – спросил Рик.

– Лично не знал. Моим воспитателем был весьма уважаемый мною настоятель Нугардского монастыря Даниил Смерон. – Мирн кивнул на небольшой портрет мужчины лет сорока, висевший на стене в окружении икон. Его морщинистое лицо напоминало лик святого, но Рик не понравились колючие тёмные глазки, которые словно следили за тобой, где бы ты ни оказался. Рик как раз сидел за столом напротив портрета в библиотеке Мирна, спиной к окну. Алекс стоял, прислонившись к книжному шкафу, Мирн устроился в другом кресле и листал недописанный трактат о короле Райгарде. Тут же на столе лежали стопки книг, манускрипты, свитки, письменные принадлежности. Мирн закрыл трактат, снова посмотрел на портрет Смерона.

– Крайне благочестивый человек, истинный друг несчастного короля Эйварда, он страшно сопереживал, когда умер его сын Байнар. Поскольку в то время король находился не в лучшем состоянии, настоятель Смерон потребовал от Королевского Совета провести расследование подозрительной смерти принца, настоял, чтобы во главе комиссии поставили барона Томара Ворнхолма.

– Это родственник нынешнего барона Ворнхолма? – спросил Рик.

– Старший брат.

– Насколько я помню, – заметил Алексарх, – Томар поднял восстание против Райгарда.

– Не стану отрицать, – подтвердил Мирн, – но до этого времени барон Ворнхолм служил ему верой и правдой. Осознав, каков на самом деле Райгард, Томар отрёкся от этого злодея.

– А комиссия? Результаты были? – жадно спросил Рик.

– Расследование велось довольно долго, по его итогам на заседании Королевского Совета прозвучал вывод: несчастный случай. Грум заявил, что на прогулке лошадь Байнара внезапно понесла, потом, очевидно, она его сбросила. Принца нашли в пяти милях с пробитой головой. Однако говорили, что виноват конюх Ясик: он нашёл Байнара ещё живым, добил камнем и сбежал – его так и не нашли. В заключении комиссии об этом не было ни слова, зачитывал его не барон Ворнхолм, а Холлард Ривенхед.

Рик вздрогнул от упоминания отца Илзы. Он что, тоже поддерживал Райгарда? Или был его соучастником?

– А король Эйвард? Неужели он не возражал?

– Несчастный отец к тому времени не осознавал, что происходит. Он замкнулся в себе после смерти Байнара, почти не выходил из дворца. Он искал Бога, молился. Все надеялись, что Господь вернёт ему силу и разум. Коварный Райгард воспользовался его невменяемым состоянием, став регентом. Ему решение комиссии пришлось как нельзя кстати. Когда год спустя после смерти Байнара король Эйвард умер, регент немедленно назначил коронацию – труп брата остыть не успел.

– И никто ничего не сделал?

– Барон Ворнхолм попытался, но, к несчастью, погиб. Вспыхнули несколько восстаний на юге – для их усмирения Райгард лично отправился туда после коронации. Некоторые бароны пытались истребовать трон для Рижитты, старшей сестры Байнара. По законам Сканналии трон не наследуется по женской линии, к тому же хитрый Райгард насильно выдал племянницу за тогдашнего барона Мэйдингора. Этот род – один из старейших и богатейших в Сканналии –

издревле правил горными районами Северо-Востока, контролируя добычу серебра, однако не это послужило причиной свадьбы, а законы горцев. Эти люди выделяются грубой силой. Они живут по законам предков, в их вере вплоть до нашего времени много сохранилось от поганых язычников. Они признают исключительно наследование по мужской линии. Женщины у них никогда не появляются на людях. Для этих дикарей женщина вообще не человек. Они нередко похищают себе жён, потому что отцы не желают отдавать дочерей этим варварам, которые, я в этом совершенно убеждён, по сей день втайне молятся двенадцати богам. После вынужденной свадьбы горцы немедленно требуют приданое от отца невесты, иначе возвращают девушку обратно. Даже если она выживет, её уже вряд ли кто возьмёт замуж: перед возвращением ею пользуется не только «муж», но и все его родственники.

Рик вспомнил поведение товарища по королевской страже – Власа Мэйдингора. Да, именно так он относился к любой женщине и девочке.

– А как умерла принцесса Рижитта? – спросил Рик. Он всё больше понимал, что прочитанные хроники не слишком информативны.

– За четыре года правления Райгарда было много сражений. Стычки между знатными родами случались и прежде, но, видит Бог, король Эйвард умел примирить разные стороны, а Райгард только подливал масла в огонь. Среди жертв оказались барон Мэйдингор и его жена.

Рик вспомнил, что Айварих упоминал какого-то казнённого после нескольких ударов топором Георга Мэйдингора. «Похоже, смерти продолжались и после прихода Айвариха к власти», – подумал Рик.

– Что ж, если Оскар хотел описать идеального злодея, то сделал правильный выбор, – заметил Алексарх. – Причём, в отличие от идеального государства, злодей вполне реальный.

– Вижу, мои мысли по поводу устройства государства кажутся тебе нелепыми? – усмехнулся Мирн.

– Скорее неосуществимыми, – пожал плечами Алексарх, скрестив руки на груди. – Откуда возьмётся государство, где нет воровства, бедности, жадности, когда люди вороваты, жадны и бедствуют повсюду? Ты пишешь о том, что все будут благочестивы – я своими глазами вижу, как быстро распространяются ереси и безбожие.

– Поверь, я прекрасно осведомлён обо всех пороках нашего несчастного мира, – устало заметил Мирн. – Я мечтаю, чтобы люди трудились на благо себе и другим, чтобы каждый человек нашёл себе место в новом, лучшем, мире. Священники, воины, философы, учёные, крестьяне – все в равной мере важны для Господа нашего и заслуживают почёта и счастья...

– Жаль, что в жизни его получают лишь немногие, – закончил Алексарх.

– Ты говорил, тебе понравилось, – Мирн склонил голову, глядя на принца. Рик показалось, что о нём оба уже забыли, увлечённые разговором. Рик тоже читал книгу Мирна – ему показалось, что все его рассуждения больше подходят монахам или философам, чем главе Судебной Палаты. Рик поёрзал в кресле, вытер вспотевшие ладони о штаны и с сожалением оглянулся на закрытое окно – в комнате было душновато. Алекс с Мирном этого словно не замечали.

– Мне понравилась твоя дерзость, понравилось, как ты отстаиваешь свои принципы в такой необычной форме.

– Я лишь показываю, каким хотел бы видеть общество, лишённое недостатков обычных людей.

– Но общество состоит из обычных людей. Где найти тех, кто построит нечто новое? Разве что в сказках. Помнится, я слышал в детстве сказку про далёкую волшебную страну в Иштирии, которой управляли смелые воины, умные философы и сильные колдуны. Рик, ты знаешь эту сказку?

Рик удивился:

– Про то, как три князя подряд вели постоянные войны с соседями, их вассалы тоже воевали. Так длилось много десятилетий. Потом некоторые воины сказали, что больше не хотят воевать за князей и ушли в Иштирию? И с ними ушли колдуны-волхиды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.